

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Е. И. Соловьёва

ЧЁРНЫЕ И КРАСНЫЕ ШТРИХИ СУДЬБЫ

Мои воспоминания «о времени и о себе»

Новосибирск 2010

УДК 902(09) + 378(09)

ББК 63.48г(2) + 74.584(2) 738.1

С 603

Ответственный редактор:

доктор исторических наук, профессор

В. А. Зверев

С 603 **Соловьёва, Е. И.** Чёрные и красные штрихи судьбы : мои воспоминания «о времени и о себе» / Е. И. Соловьёва ; отв. ред. В. А. Зверев. – Новосибирск : Изд. НГПУ, 2010. – 104 с.

Читателю представлены мемуары Екатерины Ивановны Соловьёвой – доктора исторических наук, профессора, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации. Воспоминания посвящены годам детства, прошедшего в селе на Алтае и в Нарымском крае, куда была сослана родительская семья, временам обучения в педагогическом училище в г.

Колпашево, а затем периоду работы заведующей школой и учительницей в том же Нарыме.

Путевку к вершинам педагогической профессии дало Е. И. Соловьёвой обучение на историческом факультете Новосибирского государственного педагогического института в 1946–1950 гг. Вся последующая трудовая жизнь связана с этим вузом, где Екатерина Ивановна прошла путь от аспиранта и ассистента к должностям заведующей кафедрой отечественной истории (с 1964 г.), проректора по научной работе (с 1978 г.), ректора (1981–1988 гг.), снова заведующей кафедрой (до 2009 гг.). Свою биографию автор осмысливает в контексте трагической и славной истории и будущего родной страны.

УДК 902(09) + 378(09)

ББК 63.48г(2) + 74.584(2) 738.1

© Соловьёва Е. И., 2010

© ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», 2010

ИЗ ЧЕГО ВОЗНИКАЮТ МЕМУАРЫ

Вместо предисловия

Институту истории, гуманитарного и социального образования есть чем гордиться: докторами и кандидатами наук, специалистами в области значимых и редких дисциплин, совместителями, студентами и выпускниками, многие из которых – заслуженные учителя, ученые, видные чиновники. А еще мы гордимся своей историей. Историей, в которой одно из главных мест занимает Екатерина Ивановна Соловьёва.

Спецсеминар доцента, а затем профессора Е. И. Соловьёвой, который был посвящен аграрным преобразованиям в СССР, всегда оставлял глубокий след, повышал историческую подготовку. Студенты учились анализировать источники – законодательные, делопроизводственные, мемуарные и другие. Желание и умение работать с первоисточником – вот что выносили студенты из работы в спецсеминаре.

Руководя аспирантами, Екатерина Ивановна, которая обладает основательной методологической подготовкой, широким кругозором, великолепным знанием фондов разных архивов, делала нужные замечания, вносила поправки и предложения в структуру диссертационного исследования, оставляя за автором право на самостоятельное прочтение документа или интерпретацию текста, на выстраивание его структуры.

На кафедру для проведения совместных заседаний, научных семинаров, конференций Екатерина Ивановна приглашала известных ученых – будущих членов-корреспондентов и академиков, докторов наук – Л. М. Горюшкина, Н. Н. Покровского, В. В. Алексеева и других. По ее инициативе аспиранты и ассистенты кафедр исторического факультета обязательно участвовали в семинарах молодых историков, организованных Институтом истории, философии и филологии СО АН СССР.

Когда дело касалось диссертаций – главных результатов работы ее аспирантов, Е. И. Соловьёва всегда организовывала их защиты так, будто это были ее собственные защиты. При этом окружающие понимали, что слабо подготовленную диссертацию она не выпустит в свет. Поэтому члены советов и относились к ее диссертантам доброжелательно. А чтобы выйти на защиту, надо было пройти кафедральное «чистилище». На кафедре во время обсуждения диссертации складывалась доброжелательная атмосфера, но решение о представлении к защите принималось только при условии доработки указанных принципиальных замечаний. Это могло затянуть выход к защите на год-два, а то и дольше. С одной стороны – строгость и требовательность, с другой – доброжелательность и ощущение поддержки.

Всегда у преподавателей и сотрудников было ощущение собственной нужности кафедре и коллективу факультета. Екатерина Ивановна старалась привить это чувство общественной полезности.

Е. И. Соловьёва – великолепный рассказчик. Ее воспоминания о военных годах в тылу, на учебе в период эвакуации в Колпашево, о работе на лесозаготовках, на заготовках ягоды, бытовые описания того времени отличаются эмоциональностью, проникновенностью, сопереживанием и правдивостью.

Е. И. Соловьёву окружали разные люди. Рано оставшись сиротой, она сумела понять ценность семьи, сохранить верность самому близкому человеку – мужу, отдать свою любовь сыну и внучке. Все помнят, с каким чувством любви и благодарности отмечали 85-летие Екатерины Ивановны коллеги и гости из академических институтов СО РАН, вузов и школ Сибири. Общественное признание дорогого стоит.

Обладая незаурядными личностными данными и широтой натуры, Екатерина Ивановна сумела направить их на служение Отечеству, студентам, коллегам и семье. Пройдя трудовой путь от аспиранта до заведующего кафедрой, проректора по научной работе, ректора НГПИ, кавалера ордена Трудового Красного Знамени, Заслуженного работника высшей школы России, Екатерина Ивановна сохранила человечность, естественность в отношениях с людьми. За что ей огромная благодарность.

*Директор Института истории, гуманитарного и социального образования
НГПУ, доктор исторических наук, профессор О. Н. Катионов.*

ИСТОКИ

Если говорить об истоках моей биографии, то это село Глубокое Завьяловского района Алтайского края. Не сразу сюда пришла семья моего деда Якова Михайловича Лобанова. Переселившись в Сибирь, младший сын

владельца Лобановского куреня Воронежской губернии вначале остановился в селе Лотошном нынешнего Алтайского края. Но не понравились ему эти места, и он двинулся дальше. Обосновался на окраине Глубокого с двумя сыновьями – Иваном (мой отец) и Степаном (мой дядя).

Сыновья вскоре создали свои семьи, зажили в мире и согласии в двух усадьбах, расположенных на берегу озера. Между озером и усадьбами шла дорога на село Завьялово и дальше в город Камень. Обширные заселья от другой улицы села отделяла березовая роща, за которой ухаживали, которую берегли. К ней примыкали хозяйственные постройки.

Мой отец, Иван Яковлевич, скорее напоминал сельского интеллигента, нежели простого крестьянина-пахаря. Он хорошо знал математику (помогал мне позднее решать даже самые сложные задачи), грамотно писал с использованием старой орфографии, образно излагал свои мысли (о чем свидетельствуют его письма), прекрасно знал историю, а особенно астрономию. Часто обращал мое внимание к звездному небу и увлеченно рассказывал о небесных светилах – Большой и Малой Медведицах, Млечном Пути, Полярной звезде. Отец был участником Первой мировой войны, в унтер-офицерском звании сражался на Юго-Западном фронте под командованием генерала Брусилова. На его долю выпало испытать радость от знаменитого Брусиловского прорыва, горечь от поражения под Перемышлем, пережить последующее отступление. Сохранился длинный узкий блокнот в желтом переплете, в котором есть дневниковые записи об этих тяжелых событиях. «Перемышль отдавали, битва жаркая была, – читала я позднее, уже понимая, о чем идет речь, – пули в воздухе жужжали, от гранат тряслась земля. Наши русские солдаты – они, как богатыри, а герои-генералы разбежались, как зайцы». В таких далеких от поэзии строках запечатлели солдаты Первой мировой картину разгрома русских войск на Юго-Западном фронте.

Моя мать, Анастасия Абрамовна, была любящей и любимой женой, прекрасной хозяйкой, рукодельницей. Она плела кружева, вязала, шила,

вышивала, ткала полотно, скатерти и ковры. Ее любовью были экзотические растения и цветы, которые она выращивала на усадьбе, в саду. О многих из них я узнала тогда, когда сама занялась садоводством. Особенно поражали ее вышивки на скатертях и полотенцах, которыми, по моде того времени, украшался весь дом в канун великих праздников – Рождества и Пасхи. Любила она нарядить к празднику свекра и свекровь, мужа и детей. Да и сама преображалась. Вокруг головы закручивала свои роскошные светлые волосы, надевала длинное платье с узким лифом, украшенным кружевами, в талии затянутое широким ремнем. В ушах – серьги, в руках – пышный шарф. Такой она запечатлена на единственной сохранившейся фотографии.

Дружная, любящая и работающая была семья. Для каждого находилось свое дело. Весной и летом отец с матерью уезжали на полевые работы. Бабушка с дедушкой присматривали за хозяйством и за нами – детьми, которых в семье было четверо: мой старший брат, подросток Василий, пятилетняя я и младшие – брат Михаил и сестра Раиса. Возвращение родителей дети встречали с восторгом, так как в бричке всегда находились для нас подарки – полевая клубника, цветы. Зимой отец любил ходить на охоту. Заядлым охотником он не был, редко приносил зайца, а подарки «от зайчика» – всегда. Их в охотничью сумку заранее подкладывала мама. Это были колобочки сыра, калачики, которые замерзали на морозе, но с восторгом воспринимались нами как заячьи подарки и с аппетитом съедались. Вся семья садилась за ужин. Под охотничьи рассказы дети засыпали, их отправляли в постели, а взрослые продолжали застолье.

Мир и благодать царили в доме, но так продолжалось недолго. Началась ломка устоявшегося традиционного крестьянского быта. В конце 20-х годов в стране был взят курс на коллективизацию. Территория нынешнего Алтайского края была отнесена ко второй группе коллективизируемых районов. Уже в 1929 г. в деревне появились новые люди из городов, направленные для организации колхозов. Усилился нажим на зажиточные хозяйства. Крестьян принуждали сдавать всё товарное зерно. Набирает силу

политика твердых заданий по сдаче хлеба, устанавливаются штрафные санкции за их невыполнение. В прессе разворачивается агиткампания за колхозы. Появляются свои ретивые проводники этих идей. Это, как правило, бесхозяйственные элементы, стремящиеся овладеть чужим имуществом.

Крестьяне по-своему стремились уйти от такого нажима. Наиболее энергичные посылали ходоков на Дальний Восток, в Уссурийский край, надеясь на то, что туда не дойдет эта политика. В числе таких ходоков был и мой отец. Посланцы пришли на новые земли весной, во время бурного разлива Амура. Почувствовали они, что и этот далекий край охвачен теми же процессами. Возвратились ходоки ни с чем, и в 1931 году попали их семьи под тяжелый каток коллективизации.

Наша семья была отнесена в первую группу, к которой применялись особенно суровые меры. Главы этих семей изолировались в местах заключения, а семьи подлежали выселению в малообжитые районы Севера и Сибири. Имущество наше было конфисковано, а мать с четырьмя детьми выселена из дома. Нас приютили сострадательные соседи в бане. В моей памяти осталось очертание этого жилища. Тесное помещение с низким закопченным потолком, помост, на котором парились, длинная лавка перед ним, и мы – четверо перепуганных детей, сидящих на ней, прижавшись друг к другу. Мать часто вызывали на допросы. Большая часть дня для нас, детей, проходила в ожидании, страхе и боязни за мамину жизнь.

Потом начался сам процесс выселения. Нас посадили на подводу. Из имущества разрешено было взять только самое необходимое – верхнюю одежду и постель. Дедушка поехал с нами (мой отец был его любимым сыном), а бабушка осталась в семье дяди. Из таких подвод образовался целый обоз, к которому присоединялись новые повозки выселяемых из деревень, через которые обоз проходил. Путь шел через Завьялово на Камень. Здесь на причалах Оби уже были приготовлены баржи, ожидая погрузки. Вдоль дороги стояли толпы людей, часть из которых

злорадствовала, но большая часть сочувствовала и подавала проезжающим хлеб и другую еду.

В Камне выселяемых погрузили на баржи, которые тянул большой пароход. Наша семья оказалась в трюме напротив лаза, куда попадали свет и воздух. Это, видимо, спасло от болезней во время пути. Путешествие было длительным, томительным. Плыли сначала по Оби, а затем по реке Васюган. Здесь и намечены были поселки для поселения.

Обследование этих мест было проведено топографической партией Томского переселенческого района еще накануне организации массового переселения крестьян в Сибирь по Столыпинской реформе. Лучшие земли в Томской губернии были заселены еще в 1906–1910 годах, а земли Васюганья остались незаселенными, так как были болотистыми, лесистыми, малопригодными для занятия сельским хозяйством. Сейчас они срочно заселялись раскулаченными. Поселки располагались главным образом по правому возвышенному берегу реки Васюган. Им были даны порядковые номера, начиная от села Каргасок.

Нашу партию выгрузили на крутом берегу Васюгана в поселке № 8. Узкой полосой вдоль реки тянулась земля, не занятая тайгой, а за этой полосой стеной стояла угрюмая, непроходимая тайга и тянулись болота. На берегу был один-единственный барак, куда матери водили детей для обогрева. Было начало лета (помнится – это конец мая), ночи были холодные, от реки поднимался туман, земля была сырая. Каждая семья располагалась вокруг костра, но ночью костры не спасали от холода и сырости. Матери с детьми стремились попасть в теплый барак. Скученность, сырость, голод вызвали эпидемию тифа. Начали умирать дети, а потом и взрослые. Наша мать похоронила здесь двух младших детей и свекра. Сама заболела малярией.

К середине лета переселенческое начальство поняло, наконец, что поселок № 8 непригоден для заселения. Нашу партию, численно уменьшившуюся, так как эпидемия унесла почти всех пожилых и детей, посадили на две большие лодки (по 20–30 семей) и повезли в обратном направлении. По мере

продвижения по Васюгану в поселках оставляли переселенческие семьи. Нашу семью высадили в поселке, который уже имел название – Новоюгино. Так как мы прибыли позже других семей, расселенных здесь в 1929–1930 годах, то усадьбу нам отвели в конце поселка в низменном заболоченном месте на берегу притока Васюгана. Весной река выходила из берегов, и в половодье все окрестное пространство превращалось в бушующее море. Когда вода отступала, то уносила и плодородную почву с нашего огорода. Глинистая земля не давала урожаев. Мы очень голодали.

К этому времени был уже освобожден отец. Ему каким-то чудом удалось пробраться в Глубокое и вывезти оттуда спрятанное во время коллективизации имущество. Это были, главным образом, сделанные маминими руками скатерти, полотенца, ковры и швейная машинка марки «Зингер». Все было упаковано в большой сундук и сохранилось у родственников. Наша семья была спасена. Родители меняли привезенные вещи на продукты питания. Кроме того, отец с братом научились ставить сети и ловить рыбу. Мы с матерью плели сети и связали небольшой невод, которым с уходом большой воды ловили рыбу, главным образом щук в оставшихся от половодья заводях.

Рыбы в реке Васюган и ее притоках было много. Нужно было только научиться ее добывать. Маленьким неводом пытались захватить щук, выплывавших в солнечные дни в мелководье. Отец вел одно крыло невода на глубине, брат – другое крыло вдоль берега по мелководью, а я несла ведро и брызгала воду ногою в центр невода, вспугивая рыбу и загоняя ее в ловушку. Затем невод вытаскивался на берег, рыба выбиралась из центрального длинного плетеного мешка, который назывался «мотнёй». Иногда таким образом добывалось столько рыбы, что хватало и на еду, и на засол.

Стало немного легче, но тут на семью обрушилось новое большое горе. Тяжело заболела мама. На ее сердце сказались тяжелые годы коллективизации, а в нарымских болотах она подхватила малярию. Шансов

спасти ее в тех условиях не было никаких. В поселке был только фельдшерский пункт с малоквалифицированным персоналом.

Отец остался один с двумя детьми. Он предпринял большие усилия для того, чтобы приобрести жилье с плодородным земельным участком. Помогли привезенные им вещи. За машинку «Зингер» и два ручных ковра был выменян домик на возвышенном берегу Васюгана с большим плодородным участком, тянувшимся вдоль берега. За другие вещи была приобретена корова. В первый же год был получен большой урожай картофеля и других овощей. Повзрослевший брат, как и вся молодежь, работал на пихтовом заводе, а затем был назначен бригадиром на сельскохозяйственные работы в артели.

Постепенно жизнь налаживалась. Поселок Новоюгино тянулся в одну улицу вдоль реки Васюган. На возвышенном берегу реки стояли избы, огороды хозяев одной стороной упирались в реку, а с другой ограничивались улицей, на другой стороне которой обработанная под огороды земля замыкалась большим болотом. Через болото была проложена гать (деревянный настил) для сообщения с центром поселка и тем возвышенным местом, на котором располагались пашни, отвоеванные у тайги. За пашнями шел узкой лентой тракт, прорубленный через тайгу. По тракту шло сообщение с селом Каргасок – главным районным центром всего этого края. Но наиболее налаженным путем сообщения была река Васюган, по которой плавали лодки, катера, а во время разлива – даже большие пароходы. Расстояние от Новоюгино до Каргаска – 25 км. Мы, подростки, этот путь в оба конца проделывали за один световой день. Ходили на базар, чтобы сбыть ягоды, грибы и тем самым вложить свою лепту в семейное хозяйство. В поселке была создана сельскохозяйственная артель, в которую включено было все его население (никто не спрашивал нашего согласия). Вести индивидуальное хозяйство было запрещено, народ был запуган, но постепенно выходил из шокового состояния, вызванного коллективизацией.

В основном это были люди, составляющие наиболее работоспособную и умелую часть доколхозной деревни. На новых местах они быстро обзавелись хозяйством, построили добротные дома, обустроили центральную часть поселка. Здесь находились комендатура, магазин, больница и жилой дом для коменданта и его семьи. Эти постройки были обнесены забором и имели ворота, у которых стояли дежурные. Без надобности вход сюда запрещался. На берегу реки у пристани возвели добротный одноэтажный дом для правления артели. Между ним и берегом Васюгана раскинулась большая площадь, на которой проходили массовые собрания, обсуждались вопросы развития артели.

Собрания были многолюдными. Приходили и стар, и млад. Особенно бурными были отчетные собрания в конце сельскохозяйственного сезона, когда подводились итоги года, шло распределение произведенного по трудодням. Государственные налоги были высокими, нужно было засыпать зерно для будущего урожая, выделить часть урожая в копилки школе, больнице. Часто после всех этих взносов и распределять было нечего. Кроме того, остро стояла проблема отношения к труду, к расчетам по трудодням. Народ, привыкший жить индивидуальным хозяйством, с холодком относился к труду в коллективе. Трудовая дисциплина укреплялась, подхлестывалась только введением норм на все виды работ и оплатой по трудодням. Трудовую дисциплину в артели того времени полно и хлестко характеризуют стихи, появившиеся в местной районной газете «Советский Север», которая стала выходить еженедельно вместе с заселением этого края:

*Упадет хомут, и мимо
Десять раз пройдут, но что ж,
Не прикажешь – не поднимут,
А прикажешь – тут галдеж:
«Пусть Никитка, я не трону,
Дайте дело и ему».*

*А Никитка – на Матрену,
А Матрена – на Фому.
А Фома в обиде кровной
На правленье, на учет:
«Получил со всеми ровно,
А работаешь, как черт».*

Другим центром притяжения в поселке была школа. Ее выстроили на высоком берегу Васюгана чуть подальше от комендатуры. Здесь дети могли получить семилетнее образование. Директор школы Николай Иванович Юзе – из эстонцев, высланных после присоединения Прибалтики к СССР. Многие учителя – тоже ссыльные. Особенно выделялись своими знаниями, широкой эрудицией учитель русского языка и литературы Николай Гаврилович Гаврилов, математик Владимир Григорьевич Горбатов и историк Алексей Иванович Самойлов. Николай Гаврилович часто приглашал нас домой, поил чаем и показывал фотографии, на которых были запечатлены диковинные для нас южные курорты и их фантастический растительный мир. Учитель истории, выходец из спецпереселенцев, молодой, обаятельный, был непревзойденным рассказчиком. Его уроки оставили неизгладимый след в памяти, возможно, и определили мое будущее призвание.

Запомнились мне лыжные походы в Каргасок с ночевкой в одной из средних школ районного центра, летние путешествия на лодках по реке Васюган с ночевками в палатках, вечерними посиделками у костров. Удивительными рассказчиками были директор школы Николай Иванович и учитель истории Алексей Иванович. Они воссоздавали нам образы Майн Рида и «Графа Монте-Кристо», да с такими описаниями безбрежных прерий и зловещего замка Иф, что невольно ощущалось наше участие во всех описываемых событиях, а сопереживания героям формировали добрые качества в наших душах.

Особенно запомнился лыжный поход, приуроченный к празднованию Октября 1940 года, в котором участвовали отличники учебы Новоюгинской школы. Торжественное заседание отлично успевающих учащихся Каргасокского района проводилось в одной из средних школ райцентра. Мы были впервые на таком многолюдном собрании. Получили подарки, похвальные грамоты. Впервые услышали оркестр, аплодисменты, увидели ликующие лица, почувствовали ощущение причастности к чему-то светлому, большому. А до начала страшных дней войны оставалось меньше года.

В СУРОВОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ

Известие о нападении фашистской Германии на нашу страну ошеломляюще обрушилось на нас, подростков, окончивших семилетнюю школу. Только что по-детски отпраздновали уход из школы на крутом берегу реки Васюган, разбрелись маленькими группами, делясь мечтами друг с другом, договариваясь о встречах, о совместных поездках на учебу, – и вдруг узнали об этом черном дне, определившем в дальнейшем судьбу каждого. Первое впечатление – шок, парализовавший душу, страх за своих близких, отцов, братьев.

О себе, пожалуй, мало кто из нас думал, потому что мальчики не имели призывного возраста, а добровольцами несовершеннолетним уйти на фронт тоже было нереально. Никто не предполагал, что и наш подростковый труд потребуется на военных заводах сибирских городов, что многим из нас придется выпускать оружие, растить хлеб, делать все, что было нужно для фронта, для победы.

В память врезался первый услышанный разговор взрослых мужчин о войне и начавшемся партизанском движении. Суть его была такова: зря немец сунулся на нашу страну, били его в годы Первой мировой, разобьем и сейчас, а коль началось партизанское движение, то война не продлится долго. Эти слова согревали душу, как бы возвращали в колею обычной жизни, но она

уже больше никогда не стала прежней радостно беззаботной, овеянной романтическими мечтами. Кончилось детство, начиналась суровая взрослая жизнь.

Деревня втягивалась в суровую военную страду. Мужчины призывного возраста уходили в военкоматы, распределявшие их по военным частям и подразделениям. Многие юноши были направлены в военные школы: летные, артиллерийские, танковые, а большинство – в пехотные части и сразу на фронт. Пожилые мужчины были мобилизованы на лесозаготовки. Создавались рыболовецкие бригады, каждая из которых получала лодку и большой невод. Даже дети были приобщены к большому созидательному труду: ухаживали за скотом, копали картошку, подбирали колоски на скошенных полях. Затихли песни и хороводы, воцарилось настороженное ожидание. А сводки и вести с фронтов шли нерадостные. Страна переживала первые суровые дни тяжелых потерь и отступлений.

Я закончила семилетку и захотела учиться дальше. Но без паспорта поехать на учебу было невозможно. Получить документы помог мне мой учитель истории и классный руководитель Алексей Иванович Самойлов. Приплыли мы с ним на лодке в Каргасок, где находился отдел записи актов гражданского состояния. Пришли в контору, а у меня нет никаких документов о рождении. Нам отказали. Вышли мы на крыльцо. Отличная погода, солнечно, черемуха цветет, деревья зеленые. И сказал мне тогда Алексей Иванович, что для меня сейчас самое главное – получить паспорт, а уж потом возможно уточнить дату рождения. Возвратились мы в контору и записали днем рождения 25 мая 1924 г. Нам выдали паспорт, и я оказалась готовой к продолжению учебы.

Осенью 1941 г. я оказалась в городе Колпашево Новосибирской области. Была принята без экзамена в педагогическое училище. Началась моя студенческая жизнь. Не такой я себе ее представляла. Наше общежитие – длинное, одноэтажное – ничем не напоминало студенческий дом. Темный узкий коридор, по обеим сторонам которого располагались комнаты, каждая

на четыре человека. Для занятий был один стол, готовили на кухне. В классах занималось по сорок – сорок пять учащихся. Все девочки. Юношей старших классов проводили на фронт.

Помещения плохо отапливались. Печное отопление поглощало много дров и давало мало тепла. Холодно было в аудиториях и в общежитии. Городские власти не могли обеспечить топливом государственные учреждения, учебные заведения и больницы. Требовалась помощь населения в заготовке топлива. Наше педучилище с организованным, дисциплинированным коллективом было поставлено на самообслуживание. Каждое воскресенье мы уходили на заготовку дров, затем их транспортировали и этим отапливались неделю. Это был тяжелый, для многих непривычный, изнуряющий труд. Спасало и помогало чувство локтя и ответственность за жизнь училища и друг друга.

Уже в первый год война тяжело ударила по всему населению маленького, некогда уютного, благоустроенного провинциального северного городка. Вдоль деревянных тротуаров появились длинные грядки картофеля, пошли на отопление ограды многих домов и огородов, опустели прилавки магазинов, невероятно выросли цены на рынках. Рыночная торговля процветала, но цены были для нас совершенно недоступными. Булка хлеба стоила 400–600 рублей при стипендии в 41 рубль в месяц. Спасало только то, что государство ввело карточное обеспечение населения, по которому нам, учащимся педучилища, было положено 400 гр. хлеба в сутки, 200 гр. сахара и 200 гр. масла в месяц. При отсутствии других источников питания молодому, еще растущему организму 400 гр. хлеба было явно недостаточно. Это была норма, сохраняющая жизнь, но при постоянном ощущении неутолимого голода. Чувство голода сопровождало повсюду и оставляло только во сне.

Хлеб выдавали не в магазинах. За ним нужно было идти на хлебозавод. Для этого от каждой комнаты назначались дежурные. Они шли через весь город. Уходили рано утром и к началу занятий приносили развешанные по норме кусочки. Быть дежурным по комнате считалось престижным, так как ему доставались маленькие довесочки к хлебным пайкам. Дежурного ждали с

нетерпением. К его возвращению на стол ставили чайник с кипятком, и растиралась щепотка крупной серой соли. И, казалось, ничего вкуснее не может быть, чем черный ломоть хлеба, посыпанный солью.

Голод заставлял прибегать к разнообразным хитростям, чтобы обмануть искушение съесть хлеб сразу. Менялись хлебными пайками. Прятали их в чемоданы – так было сохраннее, надежнее. При любом чувстве голода не полезешь в чужой чемодан за своим пайком. Особенно трудно было удержаться от искушения поесть досыта в те дни, когда хлеб выдавался на два дня – субботу и воскресенье. Полученный паек казался большим, отрезая от него по маленькому кусочку, незаметно съедали дневную норму, и надвигалось голодное воскресенье.

Студенческая столовая обслуживала нас только в обед. Каждому полагался ковш щей, сваренных из зеленых помидоров. Картошки, капусты, круп не было совсем. Но все же это была горячая пища, и мы ходили в столовую, каждый раз надеясь на лучшее. Но за все четыре года обучения меню в столовой не изменилось ни единого раза. Настолько врезались в память раздаточное окно, алюминиевая миска и большой черпак, из которого рука в белом халате выливает горячую воду с зелеными помидорами, что и сейчас берет недоумение, где можно было в северном городе вырастить именно эти помидоры, а не картофель и другие овощи, да в таком количестве.

Постоянное чувство голода было не единственным, что изматывало душу, держало в напряжении, тревоге. Трагическое начало Великой Отечественной войны, отступление наших войск, враг, рвущийся к Москве – все это тяжело отражалось на нашем моральном состоянии. Начали приходить известия о первых похоронах родных и близких. В эти тяжелые дни огромное значение имела хорошо организованная в училище агитационно-пропагандистская работа. Наши преподаватели каждый рабочий день, каждый урок начинали с сообщения о положении в стране, на фронтах, в городе. И хотя порой, вплоть до коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, мало было событий, говорящих о наших победах, но душевные беседы о патриотизме

наших солдат и офицеров, партизан в тылу врага, достижениях на трудовых фронтах согревали душу, вселяли уверенность в победе, отзывались призывом и самим что-то сделать для победы.

Призыв «Все для фронта, все для победы» находил реальный отклик в делах каждого. Вязали варежки, носки, шили простыни, белье. Собирали незамысловатые посылки на фронт, писали письма бойцам. Часто завязывалась личная переписка девушек с красноармейцами, переписка класса с воинскими частями. Письма читали, обсуждали, радовались им, в своих ответах рассказывали об огромной надежде на победу и на возвращение победителей.

Самым тяжелым для учащихся и преподавателей педучилища временем были лето и осень 1942 года.

К лету 1942-го гитлеровская Германия, пользуясь отсутствием второго фронта, собрала численный перевес сил на южных участках советско-германского фронта. Гитлеровцы, после разгрома под Москвой, не могли вести наступление на всем стратегическом фронте, как в 1941 году, а сумели его организовать лишь на его южном крыле. Страна потеряла Керченский полуостров, Севастополь, потерпела поражение под Харьковом. Враг рвался к Сталинграду.

Сводки Верховного главнокомандующего слушали с замиранием сердца, с надеждой на лучшее, но вплоть до окружения немцев под Сталинградом они, несмотря на огромную работу агитационно-пропагандистского аппарата, были тревожными. Чувство грядущей смертельной опасности проникало в души, тревожило, заставляло помогать друг другу, кто чем может. Молодые сердца чувствовали, разум понимал, что на Родину обрушилась колоссальная, бесчеловечная сила зла, грядущая растоптать, уничтожить все живое, и в том числе наши жизни.

Осенью всех учащихся педучилища разбили на бригады и отправили на заготовку ягоды брусники. Плыли мы на катерах по реке Кеть, притоку Оби, километров 300–400 в ее верховья. Потом вьюками на лошадях забрасывали

вглубь тайги продукты питания, а сами шли пешком с ночевками на бивуаках. Разместились в бараках. Вдоль стен были устроены нары для отдыха. Посередине печка и стеллажи для просушки одежды. Работали с восхода солнца до заката с перерывом на обед. Бригадиром были наши преподаватели, в основном женщины. Только начальник лагеря – мужчина, фронтовик.

Удивительное зрелище представляла тайга, где проходила заготовка брусники. Хвойный лес, среди которого мелькали белоствольные березки, мягкий зеленовато-голубоватый мох, в котором тонет нога, и повсюду, насколько может выхватить глаз, ковер брусничника, усыпанный темно-красными, почти черными кистями ягод.

Чтобы не топтать, не мять ягоды, начальник лагеря расставлял бригады, определяя фронт работ каждого. Шли рядом друг с другом, продвигаясь вперед по полосе шириной в 2–3 метра. Каждой сборщице выдавалось ведро и особый инструмент – плица. Внизу у нее были зубцы, через которые просыпалась листва брусники, но оставались ягоды, а сверху она была прикрыта полукруглой крышкой. Ягоды не собирали руками по кисточке, а как бы черпали плицами и ссыпали в ведра. Шли рядами, быстро наполняя емкости, а специальная бригада относил собранный урожай в амбары. В амбарах в три яруса были устроены настилы, на которые брусника рассыпалась слоем толщиной до 10 см. Здесь она находилась до зимы, а зимой вывозилась уже по санной дороге.

Работа была трудная, в наклон. Болела спина, ныли плечи. В короткие перерывы мы бросались на мох, распрямляя спину. Глаза сквозь мохнатые верхушки деревьев выхватывали лучи солнца и плывущие облака. А кругом тайга, непроходимая угрюмая тайга. Такая работа, такая жизнь сближали, делали души более открытыми друг другу. У всех были мечты. Скорее бы окончилась война, остались бы живы родные, близкие. Мало думали о себе, о трудной работе. Молодость брала свое. Усталость чувствовалась только к вечеру, а утром руки уже опять были готовы к работе. Красота природы

завораживала, а бесконечный красный ковер манил к себе, притягивал, и монотонный труд не так угнетал.

Вечерами у костра пели песни, читали стихи. Наши преподаватели из вечера в вечер устраивали художественное чтение: либо читали, либо пересказывали уже давно ими прочитанное и прочувствованное из классических произведений. В течение месяца два-три раза вместе с продуктами к нам забрасывалась почта – газеты, журналы, письма. В один из таких дней пришли газеты со статьями И. Эренбурга. «Можно все стерпеть – чуму, голод, смерть. Нельзя стерпеть немцев, – читали мы в «Красной звезде». – Не будем надеяться ни на реки, ни на горы. Будем надеяться только на себя. Фермопилы их не остановили. Критское море их не остановило. Их остановили люди – не в горах и не на берегу широкой реки – на подмосковных огородах». И так эти слова были созвучны нашему настроению. Так нам хотелось, чтобы быстрее остановили эту огромную горлающую силу зла и вышвырнули с нашей земли.

Месяц нашего труда дал определенные результаты. Мы засыпали более десятка амбаров не только полезной, но и лекарственной ягодой – брусникой. Мы были горды тем, что и наш скромный труд пойдет в общую копилку ценностей для победы над врагом.

Возвращались мы тем же путем, только в обратном порядке и глубокой осенью. Шли пешком притихшие, усталые, с тяжелым настроением, в котомках насыпана брусника. Что-то нас ожидает впереди? А впереди – застывший маленький северный городок с выкопанными вдоль тротуаров грядками картофеля, с заготовленными у общежития поленищами дров, запустевшие без нас комнаты общежития и классы для занятий.

Милые вы наши преподаватели, как много вы для нас сделали! Только сейчас, по прошествии стольких лет, можно сказать – целой жизни, понимаешь это. Ведь только благодаря вашей вере в жизнь, в нашу победу, благодаря тому, что изо дня в день вы вдыхали в нас уверенность, поднимали настроение, помогали побороть голод, видеть красоту, верить в дружбу и

любовь, мы, молодые, не сломались, выжили, получили образование. И в конце войны мы были уже на рабочих местах с детьми в самых диких, заброшенных уголках Новосибирской области.

Осенью-зимой 1942/43 года учащимся педучилища пришлось пережить еще один очень тяжелый период в своей жизни. Мы были отправлены на лесозаготовки. Участки, определенные под вырубку, находились в глубине Нарымской тайги вдоль сплавной реки Кеть. Там стояли бараки для жилья. С нами было только несколько инструкторов – взрослых опытных мужчин. Они и обучали нас, девчонок, очень сложному и трудному делу. Одежда – фуфайки и брюки из парусины, валенки. Брюки затягивались шнуром на валенки, чтобы снег не засыпался в них и не таял. Вокруг талии такая одежда также стягивалась бечевкой. Это должно было предохранить от глубокого, выше пояса, снега.

Деревья вековые стояли сплошной стеной. Нужно было уметь выбрать, с какого из них начать вырубку, да определить фронт работ так, чтобы дерево не упало на работающих вблизи девушек из соседних звеньев. Инструкторы учили определять наклон дерева, делать подрубку его с этой стороны, умению работать пилой, вынимать ее из подпила и отбегать самим в противоположную от падения дерева безопасную зону. Когда спиленное дерево падало, оно задевало близко стоящие стволы. Ломался молодняк, летели в разные стороны сучья и тучи снега. Упавший ствол очищали от сучьев, распиливали на сутунки определенной длины, вагами (длинными кольями) подкатывали их друг к другу на расчищенное место. Это делалось для того, чтобы удобнее было их скатывать весной к реке и группировать в плоты, либо отправлять вплавь россыпью.

Это была трудная, непосильная для девочек 15–16 лет работа, но приходилось ее выполнять, так как другого выхода не было. Угнетало еще и то, что в бараках не было возможности просушить одежду. Утром при выходе на работу брюки застывали колом, гремели при движении и, пока не обминались, плохо предохраняли от снега. Мы болели, голодали, хотя паек

был увеличен, но его не хватало растущему организму. Согревались кипятком, для чая под упавшими деревьями находили брусничные листья. К нам не доходили никакие вести, тем более газеты, так как никакой связи с училищем не было. Как бы там ни было, но к трудностям человек привыкает. И мы втянулись в этот непосильный труд, обучились ему, и даже выполняли дневные нормы заготовки. Они выражались в кубических метрах.

После почти двухмесячного пребывания в тайге мы возвратились в родные стены училища и узнали о великих событиях, которые произошли на фронтах. Победой завершилась Сталинградская битва. В окружение попали 22 немецкие дивизии. На занятиях по истории СССР наш преподаватель Лия Ароновна рассказала об этом великом сражении. До сих пор помню первое впечатление о карикатуре, напечатанной в газете «Правда», и подпись под ней: «Потеряла я колечко, а в колечке 22 немецкие дивизии». Ликованию наших молодых сердец не было предела. Произошел перелом не только на фронтах войны, но и в душах людей. Страшные, черные дни отодвигались в прошлое. Началось зимнее наступление 1943 года, и теперь каждый день в сообщениях ТАСС назывались города и села, очищенные от врага. До Победы было еще далеко, но легче стало жить, появились улыбки на лицах и блеск в глазах.

Учились мы жадно, с удовольствием. Все получали стипендию, а я как отличница учебы – повышенную на 25 %. К празднику Первомая я получила премию – отрез на костюм и книгу избранных произведений У. Шекспира с дарственной надписью директора училища Аревкова, которая до сих пор хранится как дорогая реликвия в моей библиотеке.

Колпашевское училище было укомплектовано прекрасными педагогическими кадрами и работало по программе, дающей полноценные знания своим выпускникам. Много внимания уделялось теоретической арифметике. Мы решали задачи с буквенным обозначением, учились логически мыслить. Наш преподаватель внушал нам, что учебник Чикмарёва и Филичева мы должны знать от корочки до корочки. В нем сосредоточены

основные теоретические выводы, которые должны помочь разобраться в любой трудной жизненной ситуации. Очень много внимания уделялось педагогике и истории педагогики. Произведения Яна Амоса Коменского, Песталоцци, Ушинского, Макаренко и других корифеев педагогической мысли познавались не только по учебникам, но и по сочинениям этих авторов, которые были представлены в библиотеке. История древняя, средневековая дополнялась современными событиями, поступающими в сводках ТАСС. На стене в классе висела карта, на которой ежедневно отмечались красными флажками освобождаемые села и города. В день празднования годовщины Октября пришло сообщение об освобождении Харькова, и ликование нашему не было предела. Особое место в обучении педагогическому мастерству придавалось методикам работы с учащимися начальных классов, особенно в малокомплектных школах. На педагогической практике каждый из учащихся педучилища обязательно давал уроки по всем предметам начального обучения и урок в малокомплектной школе.

Значительное внимание отводилось музыкальному образованию. Изучались произведения для детей многих композиторов, обучались игре на скрипке. Мы вели в школах художественные кружки и уроки музыки. Я под аккомпанемент скрипки разучивала с учащимися четвертого класса Гимн Советского Союза. Сложная торжественная мелодия трудно и долго усваивалась, но в конечном итоге красиво и слаженно зазвучала на школьном ноябрьском празднике.

В 1944 году завершалось наше обучение в училище. События эти особенно ярко запечатлелись в памяти. В городе под воздействием успехов советских войск на фронтах происходили большие изменения. Появились коммерческие магазины, в которых, хоть и по высоким ценам, но можно было купить продукты. Регулярно отоваривались продуктовые карточки. На гастроли из Томска приезжали артисты эвакуированных театров.

Действия советских войск радовали и внушали надежду на желанную победу. Советская армия наступала непрерывно. Наступательные операции как зимне-весенней, так и летне-осенней кампаний проводились, в зависимости от обстановки, одновременно или последовательно. Удары по врагу следовали непрерывно один за другим. Они не давали противнику возможности опомниться, заставляли его перебрасывать резервы с одного фронта на другой, терять время в бесплодных попытках отразить натиск советских войск. В это время каждое утро эвакуированные актеры ленинградских театров по радио вели передачу «Огонь по врагу». Радостно неслись голоса из репродуктора:

*Веселей гвоздите, пушки.
Гром, греми во все концы.
Петь без музыки частушки
Не привыкли мы, бойцы.*

*Мы народ весьма любезный,
Не останемся в долгу:
Всем, чем можем быть полезным,
Удружить спешим врагу.*

*Нервных сразу успокоим,
Грязным баню зададим,
Станет холодно – накроем,
Станет жарко – охладим.*

Эти события мы изучали как «десять сталинских ударов» и знали их наперечет. Советская земля была полностью освобождена от фашистских захватчиков. Красная армия вступила на территорию Польши, Румынии,

Болгарии, Венгрии, Югославии и Чехословакии, чтобы окончательно уничтожить гитлеровскую военную машину. Этого ждал весь наш народ.

Мы готовились к распределению. В зале висела огромная карта области. На ней были выделены районы, которые особенно нуждались в учителях малокомплектных школ: Александровский, Каргасокский, Васюганский, Парабельский, Чаинский. Но тут случилось непредвиденное и неожиданное событие. Нас пригласили на общее собрание выпускников и объяснили, что в связи с широкомасштабными наступательными операциями на фронтах Великой Отечественной войны требуется пополнение медицинского персонала, связистов и радистов, особенно в Сибирскую дивизию. Предложили подумать и, если согласны пойти добровольцами, написать заявления. Конечно, мы тут же, не выходя из зала, все написали заявления и утром следующего дня были направлены в военкомат. Настроение было торжественно-приподнятое, но нас всех возвратили в училище, объяснив, что помощь стране будет более весомой, если мы будем работать в школах.

Я получила назначение заведующей начальной школы в селе Наунак Каргасокского района Томской области. К месту работы до Каргаска добиралась на барже, которую тащил небольшой буксирный пароход. Плыли несколько суток. От Каргаска до села Наунак плыла по реке Васюган на маленькой моторке. На пристани собрался народ. Встречали моторку, которая привозила почту. Учительницу тут же отвели в школу и определили с жильем. Это сделали председатель сельсовета и председатель колхоза.

Школа была малокомплектной. В ней находилось две учебные комнаты, и две комнаты предназначались под квартиры учителей. В одной из этих комнат жила бывшая заведующая школой Мария Федоровна Мерс, немка по национальности. Именно из-за этого она была отстранена от занимаемой должности и оставлена учительницей. Меня это очень беспокоило, волновало. Было некомфортно, можно сказать, стыдно. Но Мария Федоровна – зрелый человек (ей было 46 лет) – прекрасно осознавала, что моей вины в этой несправедливости нет. Она встретила меня радушно, окружила

вниманием и заботой. Помогла устроиться во второй комнате, войти в курс дела, познакомиться с жизнью села.

Село было старожильческое, но во время коллективизации и высылки раскулаченных крестьян к нему приселили спецпереселенцев. Так здесь возникло два колхоза: один – старожильческий, а другой – спецпереселенческий, по иронии судьбы названный «Прогрессом». Оба председателя колхозов помогали школе, чем могли. При школе была организована копилка, в которую поступали в виде взносов деньги, продукты, промтовары. Мы готовили для детей горячие завтраки, в местной промартели шили одежду и обувь, которую раздавали особенно нуждающимся.

Мария Федоровна работала с первым и третьим классом, а я – со вторым и четвертым. Работа в малокомплектной школе специфична и очень сложна. В одном классе сидят разновозрастные дети, и нужно спланировать урок так, чтобы, занимаясь с четвертым классом, не отвлекать от работы учащихся второго класса, и наоборот. Да и контингент учащихся был различным. За партами сидели дети русских крестьян, украинцев, местных народов – хантов, манси. Зимой этих детишек их отцы-охотники часто забирали в тайгу на промысел пушного зверя. Возвращались они в класс иногда после долгого отсутствия. Приходилось с ними заниматься дополнительно.

Вспоминая эти годы, не перестаю удивляться тому, что в такое суровое время было столько внимания к школе со стороны Каргасокского РОНО, председателя сельского совета, председателей колхозов, да и всего населения села. Школа была хорошо обеспечена топливом, для освещения – керосином. При школе была маленькая библиотека, в которой имелись методическая литература, классические произведения – в основном русских писателей. Особенно дорого было то, что, хоть и с опозданием, но регулярно поступала «Учительская газета». Она была окном в большой мир, все еще охваченный войной.

А война уже бушевала за пределами нашей страны. Наши земли полностью были освобождены. Начались восстановительные работы. Это требовало больших материальных ресурсов, рабочих рук. Нарымский край был далеким тылом, но и здесь все было подчинено потребностям времени. Особенно широко были развернуты лесозаготовительные работы. Все взрослое мужское население непризывного возраста находилось на этих работах или на заводах, производящих пихтовое масло, которое шло на изготовление лекарств. Выгонку масла производили из пихтовой хвои, которую получали с молодых деревьев, срубаемых под корень. Хвоя подвергалась тепловой обработке в примитивных печах или просто ямах. Масло расфасовывалось в бочки и отправлялось на Большую землю. Весной река Васюган представляла собой удивительное зрелище. Небольшие грузовые пароходы тянули за собой вереницы плотов, сколоченных из бревен, заготовленных зимой, но основная масса леса справлялась по реке врасыпную, покрывая собой все видимое пространство реки. Мужчины в местах лесоповалов просто скатывали баграми с высоких обрывистых берегов огромные бревна, и они плыли, подчиняясь течению реки, вниз до Каргаска.

Река Васюган была богата рыбой. Это в основном щука, чебак, елец, ерш и другие сорта простых рыб. Редко встречалась стерлядь. В годы войны проводился массовый отлов рыбы. Создавались большие рыболовецкие бригады, бороздившие весь световой день Васюган. Отлов отправлялся на перерабатывающие заводы, которые размещались в Каргаске и других крупных населенных пунктах.

С середины июня и на весь июль наступала сенокосная пора. На заготовке сена были заняты и стар, и млад. Вдоль Васюгана были прекрасные заливные луга. Во время разлива реки вода выходила из берегов и покрывала все пространство, оставляя незатопленными только деревни, расположенные на возвышенных берегах. Когда вода уходила, начинался бурный рост трав. К июлю травы созревали, и начинался покос. Траву валили вручную косами-литовками. Эта тяжелая работа ложилась на плечи женщин. Норма выкоса

была большая – шесть соток на один трудодень. Мы с ребятами ворошили сено, чтобы оно быстрее просыхало, сгребали его в копны. Нам тоже начислялись трудодни. Расчет производился осенью и зависел от общей доходности хозяйства. Все заработанное детьми и учителями шло в школьную копилку, но она пополнялась главным образом не за счет наших заработков, а вкладами колхозов. Присутствие детей на коллективных работах не столько давало трудовой результат, сколько поднимало настроение взрослых, вызывало улыбки на усталых, суровых лицах, измученных долгими тяжелыми военными днями.

Мы имели школьный участок земли, который сами обрабатывали. Выращивали на нем овощи, которые шли на школьные обеды. Земледелие в этом суровом крае давало малые результаты, но каждая семья имела свой огород. Выращивали в основном картофель, морковь, свеклу, репу, лук, капусту. В стране в сельскохозяйственную науку проникали идеи Лысенко. В Каргаске были организованы курсы по подготовке, как тогда говорили, «опытников». Были отправлены на эти курсы и представители наших колхозов. Они привезли 10 сортов картофеля, по 10 картофелин каждого. Среди сортов был знаменитый «Лорх», широко распространившийся затем по всей стране, а особенно в таких северных районах, как Нарымский край. Этот сорт давал самые высокие устойчивые урожаи. Были завезены диковинные для того времени сорта капусты «Кольраби» и «Брюссельская». Ребятам особенно понравилась капуста «Кольраби». Они лакомились ею, как яблочками.

Вошло в жизнь диковинное слово «яровизация». Испытывали мы этот прием обработки посадочного материала на картошке. Нанизывали клубни на проволоку и закрепляли эти связки над окном. Ежедневно поворачивали связки к свету. Через 10–15 дней в глазках клубней появлялись сформировавшиеся розетки картофельных листочков. Это был посадочный материал. Ребята бережно опускали клубни в лунки, следили за всходами, ухаживали и ждали урожая. Он был, конечно, выше, чем при посадке

обычным способом. Мы гордились этим, нас отметили при подведении хозяйственного года на колхозном собрании. Школа в меру своих возможностей несла новое в жизнь села.

Под площади зерновых колхозники отвоевывали у тайги каждый метр земли. Корчевка леса была очень трудоемким процессом. Не женское это было дело, поэтому в годы войны, когда все взрослое мужское население ушло на фронт, корчевание почти прекратилось. Пахали и сеяли на уже освоенных землях. Сеяли в основном озимую рожь и овес. Пшеница не успевала вызревать, попадала под заморозки. Убирали хлеба серпами, жали, связывали в снопы. Снопы просушивали, составляли в маленькие скирды. Мы с детьми старшего – четвертого, а иногда и третьего класса помогали сушить снопы. Перевертывали их, подставляя солнцу, потом снова составляли в скирды. В наши обязанности входили сбор колосков и помощь при обмолоте хлеба. Подавали снопы в молотилку, лопатили зерно в буртах, чтобы оно быстрее просохло, насыпали его в мешки.

К концу года на трудодень было получать нечего. Очень тяжелыми были хлебозаготовки. Через них государство изымало в свои закрома почти все произведенное, но народ мирился с этим. Все понимали – идет война. Голода в деревне, несмотря на эти тяготы, не было. Спасали свои огороды, в основном картофель. Он был вторым хлебом. В каждом хозяйстве держали скот и, несмотря на большие налоги на молоко, мясо, даже шкуру скота, на пропитание семей кое-что оставалось.

Вскоре в моей жизни произошли большие изменения. После инспекторской проверки в конце 1944 учебного года я была переведена на работу в Усть-Чижапскую семилетнюю школу учительницей истории в 5–7 классах.

Село Усть-Чижапка находилось выше по Васюгану, при впадении в него притока Чижапка. Отсюда и название села. Здесь была уже школа с параллельными пятыми-седьмыми классами. Мне приходилось осваивать сразу несколько программ по истории. Помогала хорошая методическая подготовка, которую дало педучилище. Одновременно с историей я вела

экономическую и физическую географию, так как только уроки истории не могли дать количества часов, необходимого для полной учительской ставки.

Население села и учащиеся школы испытывали те же тяготы жизни военных дней. Но обстановка в 1945 году изменилась коренным образом. Советские войска к концу 1944-го полностью освободили советскую землю от немецко-фашистских захватчиков. Очистили от них значительную часть Польши, Чехословакии, изгнали из Румынии, Болгарии, большей части Венгрии, освободили часть Югославии, северную Норвегию и вошли в Восточную Пруссию. Страна напрягала силы для того, чтобы быстрее добить врага и водрузить знамя Победы над Берлином. Газеты и радио каждый день приносили известия о наших победах на фронтах. А в январе 1945 года мы узнали о грандиозном наступлении Красной Армии от Балтийского моря до Карпат. Перешли в наступление 150 советских дивизий на фронте протяженностью более 1200 км.

Было ясно, что война подходит к своему логическому завершению. Далекое северное село жило надеждой встретить весну победой. Трудовое напряжение не спадало, но жилось, работалось, дышалось легче и увереннее. Учителя, кроме работы с детьми, как агитаторы бывали в рыболовецких, лесозаготовительных, животноводческих бригадах. Несли людям свежие вести, помогали добрым словом уставшим, ослабевшим. Никогда наш народ со времени возникновения в жизни страны пропагандистско-агитационного аппарата не принимал его представителей с таким уважением и теплотой. Нас ждали, встречали, помогали добраться в самые отдаленные бригады и населенные пункты, обогревали, поили чаем. Общая беда сближала людей, а преддверие общей радости согревало, помогало жить.

В Усть-Чижапке я и встретила великий день Победы. Его вместе со всей страной по-своему, по-народному, как сумели, отметили и старые, и молодые жители далекого сибирского села. Было здесь всё: и ликование беспредельное с русским широким размахом и удалью, и горькие слезы с

причитаниями по погибшим и искалеченным. Сливались в единый порыв надежды на будущее, безудержная радость и беспредельное горе.

Никогда не забыть этих дней. За ними наступила новая полоса моей жизни. В конце учебного года я простилась с этим суровым краем, со школой, определившей мою будущую судьбу.

СТУПЕНИ

Шла весна 1946 года, вторая послевоенная. Я завершаю учебный год в семилетней школе поселка Усть-Чижалка Каргасокского района и готовлюсь пойти в отпуск. Этой весной проходила вторая волна демобилизации из рядов победоносно закончившей войну армии. Демобилизованные офицеры и солдаты возвращались к мирной жизни, уезжали к родным домам, если их сохранила война, к близким родственникам. Мне некого было ждать. Моего младшего брата и сестру унесла эпидемия тифа в 30-е годы, а старший брат Василий пропал без вести на фронтах Великой Отечественной войны. Но вдруг и меня посетила радость. Обо мне вспомнил мой двоюродный брат Григорий, сын моего дяди по отцу Степана Яковлевича Лобанова. В годы войны мы с ним переписывались, и он после демобилизации поехал не в село Глубокое Алтайского края, где жили его родители, а в поселок Усть-Чижалка, где я учительствовала. Видимо, у него возникло желание помочь одинокой, брошенной в нарымские дебри молодой родственнице. Радости моей не было предела. Я получила отпускное удостоверение. Вместе с другими отъезжающими мы дождались на крутом берегу Васюгана, где была пристань, парохода и поплыли до Каргаска. Там я пришла в РОНО, попыталась получить документы, разрешающие поступить в институт, но мне было отказано.

Мы приехали в город Новосибирск, где жила старшая сестра Григория с мужем, только что демобилизованным. Они снимали частную квартиру и с радостью приняли своего брата и меня. Всю жизнь я была им благодарна, и

сейчас что память этих моих родственников, определивших, по сути, мою дальнейшую судьбу. Без их помощи рискнула ли бы я уехать, оставить работу, поселиться в большом чужом городе и попытаться поступить в институт?

Осталось в памяти впечатление о нашей первой прогулке по городу. Двое бывших военных, высоких, статных, и две молодые девушки невольно привлекали внимание прохожих. А город жил своей жизнью. Огромная еще не обустроенная площадь около Театра оперы и балета, широкий Красный проспект, массивные серые здания обкома и облисполкома, спешащие по своим делам люди, мало празднично гуляющих, редкие переполненные людьми коробки автобусов. Но главное – яркое солнце и светлые лица, с которых слетает уже озабоченность и страх военных лет. Все устремлено в ожидание радостного созидания, и солнечные блики, падающие на серые громады зданий и асфальт улиц, преображают их, возвеличивают, уносят унылость и придавленность.

В августе 1946 года я подала заявление с просьбой допустить меня к экзаменам на исторический факультет Новосибирского государственного педагогического института (НГПИ). Экзамен пришлось сдавать – из-за одной четверки в аттестате педагогического училища по физическому воспитанию и начальной военной подготовке. Пединститут к тому времени после долгих мытарств военного лихолетья размещался на Комсомольском проспекте, дом 20. Напоминанием о неустроенности оставалось плохо отремонтированное здание, в котором совсем недавно находился военный госпиталь, и неухоженный захламленный двор, в центре которого выделялся бездействующий фонтан, увенчиваемый большим грибком. Он привлекал к себе абитуриентов и студентов. Под ним любили фотографироваться, намечали встречи, обсуждали волнующие вопросы, полученные оценки. По итогам вступительных экзаменов я была зачислена на первый курс с повышенной стипендией. Институт стал моей школой, моим домом, моей

жизнью на все последующие годы, до настоящих дней. Он стал окном в большой мир.

Необычайно колоритными были первые послевоенные наборы. На всех факультетах, а их было четыре (физико-математический, естественно-географический, исторический, русского языка и литературы), в аудитории пришли бывшие фронтовики, многие имели офицерские звания, ордена и медали, прошли через госпитали. Они не сняли еще военную форму. Правительственные награды говорили о мужестве, стойкости, преданности родине. Среди таких людей как бы растворялись, терялись недавние выпускники школ, в основном девушки. Бывшие фронтовики жадно, с упорством учились, вели за собой остальных.

Возвратился в институт секретарь вузовской комсомольской организации Моисей Коварский. На факультет русского языка и литературы пришли Николай Брюханов (впоследствии кандидат филологических наук, доцент Медицинского института), Николай Каргаполов (впоследствии кандидат филологических наук, декан факультета), Николай Мейсак, ставший позже известным поэтом и писателем. На физико-математический факультет – Валентин Парамзин (кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики НГПИ), Павел Мошкин (кандидат физико-математических наук, декан факультета). За парты исторического факультета сели Лев Березняков (впоследствии проректор по заочному обучению НГПИ), Гай Титов (кандидат исторических наук, секретарь парткома НГПИ), Феликс Козаченко (партийный и советский работник города Новосибирска), Николай Безрядин (редактор газеты «Советская Сибирь», а затем директор Новосибирского областного архива), Варлен Соскин (доктор исторических наук, профессор, заведовавший сектором Института истории, филологии и философии СО РАН), Иосиф Ярков (директор одной из школ Новосибирска, преждевременно ушедший из жизни вследствие тяжелого ранения в годы Великой Отечественной войны). Это далеко не полный перечень тех людей, кто через войну пришел в НГПИ. Они определяли общий настрой студентов

вуза на упорную учебу, направления научной работы, были инициаторами научных олимпиад, праздничных вечеров.

Ко времени моего обучения в институте уже сформировался профессорско-преподавательский состав на всех четырех факультетах. Среди филологов большим уважением пользовались кандидаты наук доценты А. А. Богданова (заведующая кафедрой), Е. А. Мосолова (методист), И. Г. Париллов (виднейший фольклорист), В. Г. Титова (преподаватель античной литературы), Т. П. Пашенко (специалист по древнерусскому и современному русскому языку). На историческом факультете достойно представляли историческую науку В. Ф. Цыба (история СССР), Л. А. Ремова (Новая и Новейшая история стран Запада), И. Г. Шевченко (история СССР), В. Я. Зибарев (история Средних веков), Т. З. Колабухов (история России XIX века), Л. И. Кравцова (методист). На естественно-географическом факультете работали кандидаты наук доценты В. Г. Музафаров, К. А. Соболевская, Н. М. Бергер, С. И. Глуздаков, Е. А. Батурина, Н. П. Садовская, чьи имена были известны и студентам других факультетов. Психолого-педагогическую науку достойно представляли Ю. В. Шаров (с конца 60-х годов – член-корреспондент АПН), доценты Ю. А. Водяников, А. М. Бардиан, Н. А. Беляева, а кафедру общественных наук – доценты А. И. Кащенко, П. Д. Войтик, П. М. Просецкий, Н. С. Рукин, В. М. Горячева, А. М. Ремов, В. Г. Истомина.

События на мировой арене после окончания войны развивались кардинально и стремительно. Война изменила лицо мира. Геополитическая система приобрела новые центры влияния. Мир все более становился биполярным. Главная роль принадлежала теперь США и Советскому Союзу. СССР не только вышел из международной изоляции, но и приобрел статус ведущей мировой державы. Реальное соотношение сил разделило мир на два блока, которые получили свое организационное оформление в виде НАТО и Варшавского договора. Сам факт военной победы поднял на небывалую высоту международный авторитет Советского Союза и авторитет режима

внутри страны. Люди, уставшие от войны, стремились к созиданию, к миру. Наступил период «залечивания ран», сложный период возвращения к мирной жизни. Психологической установкой для фронтовиков была задача приспособиться к мирной жизни, вписаться в неё, научиться жить по-новому. Для фронтовиков – и преподавателей, и студентов, пришедших в наш институт, это была особенно сложная задача. Нужно было не только изменить род деятельности – вместо винтовки взять в руки перо и книгу, но и заставить решать умственные задачи, тренировать память, речь, учиться умению мыслить, рассуждать, а не слепо выполнять приказы.

Кроме учебы, на студентов обрушилась лавина пропагандистско-агитационной работы. Партийные органы Новосибирска – обком и горком партии – широко использовали наших студентов как агитаторов и пропагандистов, направляя их с докладами на промышленные предприятия. Запомнился, врезался в память один из таких выходов на завод им. Кузьмина. В группе было трое – Анна Александровна Богданова (кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской литературы), Юра Постнов (студент литфака) и я, студентка истфака. Приближались выборы в Верховный Совет СССР (1948 год), и мы должны были представить рабочим завода кандидатов в депутаты. Первым из них был никто иной, а сам И. В. Сталин, вторым – директор завода, а третьим – один из рабочих завода. Сталина должна была представить я как сталинская стипендиантка института. Юра (он уже тогда пробовал писать) читал стихи, посвященные событию, а Анна Александровна блестяще изложила биографию директора завода – выходца из рабочей семьи.

Пропагандистский аппарат все продумал до мелочей. Даже наше появление – студентов во главе с ученой женщиной-доцентом должно было сыграть на публику. Когда мы шли по дорожке от входа к трибуне через длинный, переполненный людьми зал, слышался шепот: «Смотрите: какая молодая, а лауреат Сталинской премии». (Для рабочих, неискушенных в терминологии,

термины «лауреат» и «стипендиат» были идентичными. Неважно, что они означают, а важно прилагательное – «сталинский».)

Нам же этот поход запомнился не только встречей с рабочей аудиторией, но и бездушным отношением тех, кто нас направлял, к нам, людям. Сообщение с левым берегом было плохое. Моста через Обь еще не было. Был вечер, и автобусы почти не ходили. Зима, декабрь. Мы шли пешком через Обь. Скатились с крутого берега реки, перешли её, долго блуждали в поисках завода, а после выступления проделали тот же путь в обратном направлении. И так врезалась в память эта пропагандистская компания и слова Юры («Вперед, первопроходцы!»), подбадривающие нас, что и сейчас, по прошествии стольких лет, я вижу белую пелену Оби и три маленьких черных точки, бредущие по ней.

В первые два года учеба всем нам давалась с трудом. Зимой в аудиториях было холодно, учебников почти не было. Старались конспектировать лекции, а затем бежали в читальный зал областной библиотеки на Комсомольском проспекте. Маленький читальный зал вмещал не больше двадцати человек. Нужно было прийти заранее, чтобы получить рабочее место. Первая сессия дала неважные результаты, особенно по истории Древнего мира. Трудно запоминались имена египетских фараонов, их многочисленные завоевания, культура древних цивилизаций. По литературе требовалось знание текстов художественных произведений, а начитанность наша оставляла желать лучшего. Посыпались неуды, но мне удалось сдать сессию на отлично, что и предопределило мою дальнейшую судьбу. Каждый из преподавателей оставил в памяти неизгладимые черты своего общения со студентами, манеры чтения лекций, своей эрудиции, знания жизни, оценки тех событий, которые происходили в истории.

На историческом факультете читались не только исторические курсы, но и по широкой программе курсы русской и зарубежной литературы, обзорные лекции по физической и экономической географии, изучались древние языки

(латинский, греческий) и современные европейские языки (английский, немецкий, французский).

Большой знаток русского фольклора И. Г. Парилов в годы пребывания института в городе Колпашево занимался изучением фольклора Нарымского края. На лекциях в аудитории он широко использовал собранные во время экспедиции по рекам Васюгану и Чижапке материалы. Мне это было особенно интересно, так как я работала учительницей в этих районах. А. А. Богданова так талантливо и созвучно с событиями только что окончившейся Великой Отечественной войны говорила о патриотизме русского народа в войне 1812 года, о судьбе Андрея Болконского и Наташи Ростовской, что к глазам подносили платки не только девушки, но и прошедшие войну фронтовики. В. Г. Титова читала в аудитории ярко и образно, с соблюдением особого ритма стиха поэмы «Илиада» и «Одиссея» Гомера. И на всю жизнь врезались в память слова: «Встала молодая из мрака с перстами пурпурными Эос», потому что сама она стояла перед нами, как Эос – изящная, миниатюрная, красивая, какая-то неземная. Хотелось бежать в библиотеку, перечитать «Илиаду» и «Одиссею», научиться красиво, ритмично произносить эти божественные строфы.

Из историков любимцем был Виктор Фомич Цыба. Он обладал каким-то неуловимым обаянием, располагал к себе, вызывал к откровенности и бывших фронтовиков, и влюблявшихся в него девушек. Глубокий знаток «Русской Правды» и других древних источников, которые тогда было трудно найти и прочитать, он в своих лекциях цитировал их, воссоздавая подлинную картинку происходящего, язык исторических персонажей. «По Ярославе паки же совокупишесе сынови его – Язъяслав, Святослав и Всеволод, и постановиша убиение за голову отменити, но кунами ся выкупати», – говорил Виктор Фомич языком древнего летописца. И нам без перевода было понятно, какое великое дело сделали русские князья, отменившие кровную месть, введя штрафы за преступления. Виктор Фомич сумел так нас приобщить к языку источника, что и сейчас, по прошествии стольких лет, я

знаю «Русскую правду» и её язык для меня не только колоритен, но понятен и современен.

Тимофей Захарович Колабухов притягивал к себе мужскую часть аудитории, да и нас, девушек, глубоким знанием всех ратных дел наших великих предков и времени Великой Отечественной войны. Помнятся жаркие дискуссии об Отечественной войне 1812 года по книгам Тарле. Я делала доклад о контрнаступлении М. И. Кутузова. В аудитории сидели бывшие фронтовики Лев Березняков, Иосиф Ярков, Варлен Соскин и другие, которым события 1812 года были созвучны по только что отгремевшим боям. Да и сам руководитель семинара был участником боевых сражений. Разгоревшаяся дискуссия вылилась в продолжение семинаров. К ним много читали, и уже не только Тарле, но и Жилина, появляющиеся воспоминания советских полководцев, поэтов К. Симонова, А. Твардовского.

Невозможно рассказать обо всей плеяде ярких преподавателей первого послевоенного пятилетия, но не могу оставить без внимания Л. А. Ремову, В. И. Цыбенко и А. М. Ремова.

Л. А. Ремова вводила нас в западную историю Европы. Войдет в аудиторию – стройная, со вкусом одетая, встанет за кафедру, устремит взор на аудиторию и начнет свой удивительный рассказ об английской и французской революции и других событиях в соседних государствах. И всех нас она знала по именам, интересовалась нашими судьбами. Удивительно принимала экзамены, во время которых, казалось, не экзаменовала, а продолжала внедрять в нас новую информацию, которая осталась за пределами лекций.

В. И. Цыбенко, вечно куда-то спешащий, в аудиторию врывается стремительно, срывая с себя пальто и шарф, быстро бросая их на преподавательский стол, с ходу начиная читать стихи В. Маяковского, да так читал, что эти неблагозвучные строфы врезались в память и оставались с тобой навсегда.

Спокойный, уравновешенный, красивый и мудрый А. М. Ремов всегда входил в аудиторию без единой записочки, становился перед нами

посередине аудитории и начинал вещать сложнейшую науку политэкономии, да так, что её законы эпохи первоначального накопления и эпохи капитализма усваивались без напряжения, находили в наших головах соответствующую базу для их восприятия. «Капитал» К. Маркса был настольной книгой. Даже сейчас, пережив столько катаклизмов, я думаю, что это правильно, потому, что теория Маркса помогает разобраться в том, что происходит в современном мире.

Хочется сказать добрые слова и о первых методистах института. Это Л. И. Кравцова (истфак), С. В. Дьякович (ЕГФ), Е. А. Мосолова (литфак), И. Е. Авдеев (инъяз). Они учили любви к педагогической профессии и каждый, в меру своего таланта, – любви к детям. Мы для них были не только студенты, но и будущие коллеги на педагогическом поприще.

В годы моего обучения в институте шло послевоенное восстановление экономики, становление и укрепление социалистического лагеря, осуществления атомного проекта. Первый ядерный реактор был введен в эксплуатацию уже в 1947 году, а летом 1949-го состоялось испытание советской атомной бомбы. Это на небывалую высоту подняло авторитет И. В. Сталина. Сталин-человек уже фактически растворился в имидже вождя. Остался, по сути, один этот имидж – живой идол. Массовое сознание наделило его мистической силой, осветило всё, что с его именем идентифицировалось, – авторитет социалистической системы, авторитет идеи, на которой эта система держалась. В этом проявилась противоречивая роль Победы. Победа принесла дух свободы, но наряду с этим создала психологические механизмы, блокирующие демократические изменения в СССР. Всё это интуитивно чувствовали студенты и трезвомыслящие преподаватели. Газеты и радио назойливо вбивали в головы читателей и слушателей мысль о величии гения Сталина, его прозорливости и гениальности. Почти ежедневно из репродукторов лилась торжественная музыка, и звучали слова:

*Сталин – наше знамя боевое,
Сталин – нашей юности полет.
Вместе с ним борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.*

В средних учебных заведениях были введены курсы по изучению биографии Ленина и Сталина, да и у нас в институте этому направлению уделялось большое внимание, так как, кроме учительской профессии, мы должны были получить навыки работы пионерских вожатых в школах и летних лагерях.

Обкомом комсомола я была направлена для изучения биографии вождей на областные курсы старших вожатых. Само направление выглядело несколько комично, но вылилось, как потом показало время, в завуалированное оказание материальной помощи плохо обеспеченной студентке. Пришли мы с моей сокурсницей Светой Корниловой в обком комсомола. Она – в модной меховой шапочке, в пальто и ботиночках, соответствующих тенденциям времени. А я – в растоптанных валенках, вязаном пуховом платке, грубошерстной массивной шубейке. Принята и обласкана Светлана, а ко мне обращен вопрос: «А Вы что хотели, гражданка?». Когда секретарь узнал, что я тоже студентка и направлена в лекторскую группу, на лице его появилась боль и сочувствие, желание помочь. Видимо, в этот момент он и решил, что делать с таким «лектором». Мне был выдан документ, в котором определялась 100-часовая программа. После ее выполнения я вновь оказалась в том же кабинете, и тот же человек по-отечески сказал мне, что лекции будут оплачены. Попросил на полученные деньги купить себе одежду и обувь, подобающие молодой девушке. Этот поступок показал мне, что и в верхах партийно-административного аппарата есть люди, не только слепо выполняющие свои чиновничьи обязанности, но и готовые поддержать выброшенных на обочины жизни в момент их становления.

Из студенческой жизни в память врезалось еще два эпизода, которые живут со мной до сих пор. **Первый – отмена карточной системы и денежная**

реформа (1946–1947 годы). Денежная реформа взбудоражила все общество. Обмен денег начался 15 декабря 1947 года. Старые деньги обменивались на новые в соотношении 10:1. Льготному обмену подлежали вклады в сберкассах (до 3 тыс. рублей – в соотношении один к одному). В печати и по радио началась широкая пропаганда реформы как «главного удара по спекулятивным элементам». На самом деле именно эта категория дельцов теневой экономики успела обезопасить свою наличность, переведя ее в золото, драгоценности, разукрупнив свои вклады. Пострадали от реформы, прежде всего, люди, которые не хранили сбережений в сберкассах. Я жила тогда на частной квартире и сочувствовала плачущей хозяйке, потерявшей все свои сбережения, хранившиеся в кубышке.

Студентов реформа почти не затронула, потому что накоплений у этого слоя населения страны почти не было. А вот отмену карточной системы мы встретили с ликованием. Рано утром открылись все продовольственные магазины, в которых в изобилии были представлены все недоступные ранее продукты. Каждый из нас, идя в институт, что-то приобрел и принес на общий стол, который мы устроили перед занятиями. Преподаватель, вошедший в аудиторию, не только нас не пожурил, но и присоединился к нашему пиршеству.

Казалось, в обстановке залихватского восхваления роли партии и ее вождя в стране наступило благоденствие и согласие. Но вскоре наступило отрезвление, и это ощущение рухнуло. Отмена карточной системы оказалась слабо подготовленной. Руководство страны приняло решение об отмене карточек, когда существующий объем производства в стране не мог обеспечить свободный спрос населения на продовольственные и промышленные товары. К моменту перехода к торговле без карточек не были созданы необходимые товарные резервы. Поэтому уже в первые месяцы после отмены карточек люди столкнулись с нехваткой самых необходимых товаров. Газеты запестрили статьями о борьбе с низкопоклонством перед Западом, о лженаучных теориях Вейсмана и Моргана, восхвалялся Лысенко.

Колхозы и совхозы выращивали приличные урожаи зерна, но не могли его убрать своими силами. Не хватало рабочих рук, да и дисциплина труда падала. Продолжала действовать оплата труда по трудодням, но она не могла учесть личный вклад каждого в общее дело. Стал широко использоваться труд организованного населения городов, а это были главным образом рабочие заводов, студенты институтов, учащиеся техникумов и даже школьники.

Вот с этим направлением в политике государства и связан второй эпизод в моей студенческой жизни. В конце 1947/48 учебного года декан провел на нашем курсе общее собрание студентов и произнес зажигательную речь о необходимости помощи колхозам области в уборке урожая. Нас распределили на группы и заранее определили те колхозы, в которые мы должны были поехать в июле. Наша группа состояла из 15 человек, и поехать мы должны были в колхоз на станции Кабинетной. Подошло время отъезда. Прихожу я к поезду – не вижу никого. Вышла на станции Кабинетная, вижу, что из поезда вышли еще два человека – Тоня Пузырева и Варлен Соскин. Разыскали мы контору. Нас разместили по квартирам. Мы думали, что нам разрешат уехать, так как больше никто в колхоз не прибыл, но председатель был рад и такому пополнению. Определили нас на работу к веялке. Варлен засыпал зерно в бункер, а мы с Тоней буртовали его, уже провеянное, в большие кучи и засыпали в мешки. Работа тяжелая, изнурительная и очень грязная. Пыль набивалась в волосы, засыпала глаза, уши. Удивляло, что самих колхозников на току не было, они если и появлялись, то как советчики, контролеры. Задержали нас до начала октября, а когда мы возвратились в институт, то оказалось, что со всего курса только мы, да еще одна такая же маленькая группа работали в колхозе, а остальные студенты отдыхали. Так и остались в памяти эти факты расхлябанности, недисциплинированности и среди колхозников, и среди студентов.

1948 год положил конец надеждам на смягчение политического курса внутри страны и укрепление социалистического лагеря на международной арене.

Разгоралась «холодная война», Сталин стал утрачивать позиции первого политика мира. Росли разногласия между СССР и странами Восточной Европы. Сводки о настроениях разных категорий населения, которые собирались и анализировались КГБ, свидетельствовали о том, что началось брожение умов, особенно среди студенческой молодежи. Не все студенты стремились демонстрировать свою «верноподданность» вождю. На семинарских занятиях по общественным наукам в дискуссиях иногда высказывалось сомнение о «монолитном единстве общества». В стране развернулась идеологическая кампания, которой была придана внешняя форма борьбы с западничеством, или, по терминологии тех лет, с «низкопоклонством», «безродным космополитизмом». Всех студентов взбудоражила развернувшаяся в печати и по радио резкая критика учебника Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Этот учебник был настольной книгой студентов, в которой особенно ярко, доступно излагались философские идеи Гегеля и Фейербаха как предшественников диалектического материализма К. Маркса. И вдруг одновременно Гегель превратился в «навозного жука, которому тепло в навозной куче, и которому поэтому не нужна революция». Но пока еще идеологическому давлению придавалась внешне привлекательная форма. Партком строго следил за тем, чтобы семинарские занятия проходили в форме «творческих» дискуссий с нужной направленностью выводов.

Сложнее обстояло дело с обсуждением позиции журналов «Звезда» и «Ленинград». В них печатались Анна Ахматова, Вера Инбер, Маргарита Алигер, Александр Твардовский и другие любимые студентами писатели и поэты. На институтских творческих вечерах в исполнении студента литфака Сталя Шмакова звучал «Василий Теркин» Твардовского, а Света Корнилова (истфак) самозабвенно читала строфы Ахматовой: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово. Свободным и чистым тебя пронесем, и внукам дадим, и от пули спасем. Навеки». Теоретической основой обсуждения позиции этих журналов было постановление о них ЦК ВКП(б).

Оно касалось области художественного творчества, но фактически было направлено против общественного инакомыслия. Студентам трудно было согласиться с эпитетами, которыми в ходе дискуссий «награждали» их любимых писателей проводники идеологической линии партии. Постепенно дискуссии приобретали характер борьбы с инакомыслием. Борьба с «космополитизмом» распространилась и на ученых-историков. Остракизму подвергались академик И. И. Минц и его школа за «приращение роли русского народа и русского рабочего класса в отечественной истории». Запрещен был учебник Н. Л. Рубинштейна «Русская историография». За связь с «антипатриотами» распекались последние представители русской профессуры Р. Ю. Виппер, Е. А. Косминский. Академик Е. В. Тарле был раскритикован за «непатриотическую» трактовку роли Кутузова в Отечественной войне 1812 года. Совсем недавно труды этих выдающихся ученых изучались в аудиториях, читались в библиотеках. Теперь студенты исторического факультета должны были руководствоваться партийными постановлениями и на семинарах бросать критические камни в своих недавних кумиров.

Сложно было в атмосфере нагнетаемого идеологического психоза соприкоснуться с подлинной наукой и получить настоящие знания студентам естественно-географического факультета. В августе 1948 года состоялась сессия ВАСХНИЛ. Она завершила бурную дискуссию биологов. Монопольное положение в биологии получила группа академика Т. Д. Лысенко, который обосновал тезис о существовании в СССР двух диаметрально противоположных биологий – советской, мичуринской и идеалистической, вейсманистско-морганистской. Ученые, признающие хромосомную теорию наследственности, объявлялись реакционерами, проводниками буржуазных воззрений в науке. Были объявлены вне закона исследования, связанные с изучением наследственных заболеваний. На естественно-географическом факультете была закрыта или перепрофилирована часть лабораторий, убраны портреты раскритикованных

ученых, из библиотеки изымались их труды. Студенты были деморализованы, на призывы об организации дискуссий слабо откликались, в аудиториях были пассивными. Учебников с «новыми» теориями не было, а старые несли «лженауку». Основным мерилom знаний стало слово преподавателя.

Таким было время, когда я кончала институт. От него в память врезалась ситуация идеологических расправ над сокурсниками. Одна из девушек не появилась на занятиях в нашей группе в мае 1948 года. Никто не предполагал, что причина ее отсутствия – арест и изоляция в лагерях за какое-то неосторожное слово, квалифицированное как политическая нелояльность к общественному строю страны. Только в 1955 году, уже будучи преподавателем, я встретила её на семинарских занятиях в одной из групп заочного библиотечного института, в котором я работала, и узнала о её трагической судьбе. Другая расправа была проведена на госэкзамене по истории КПСС над отличником исторического факультета Семеном Нэлькиным, в биографии которого органами КГБ были обнаружены какие-то «темные» пятна. Предчувствуя необъективное отношение к нему, мы пришли на госэкзамены почти всей группой. Каких только вопросов не задавали ему члены ГЭК, и на все он, по нашему мнению, отвечал правильно. И все же ему поставили двойку и не аттестовали. Уже много лет спустя, когда я была ректором, он, будучи в Новосибирске, разыскал меня, пришел в институт. Мы встретились, и я была очень рада, что невзгоды не сломили его. Он окончил Ленинградский университет, защитил кандидатскую диссертацию и стал преподавателем в одном из институтов.

В 1950 году я окончила институт и государственной экзаменационной комиссией по просьбе заведующего кафедрой истории В. Ф. Цыбы была направлена в аспирантуру. К этому времени начала определяться моя личная жизнь. Результатов распределения с волнением ожидал человек, который стал спутником всей моей жизни. Это был выпускник юридической школы, недавно демобилизованный из штаба маршала Конева, расквартированного

после войны в Австрии, – И. П. Соловьёв. Услышав о решении комиссии, мой избранник произнес очень короткую фразу, которая определила нашу дальнейшую жизнь в мире и согласии на долгие годы, вплоть до его ухода в иной мир: «Поедешь, но только под моей фамилией». Пока я раздумывала о своем будущем, ректорат НГПИ возбудил ходатайство перед Министерством просвещения РСФСР об открытии аспирантуры при кафедре истории. Это ходатайство на удивление быстро было удовлетворено. Аспирантура в 1950 году была открыта, научным руководителем назначен доцент В. Ф. Цыба, а я стала его первой аспиранткой. На летнюю заочную сессию студентов-историков 1950 года Виктор Фомич направил меня ассистентом по курсу истории СССР периода феодализма. Так по воле этого незаурядного человека была определена моя дальнейшая судьба.

Моя молодость смущала студентов-заочников. Среди них было много фронтовиков старше меня по возрасту. С трепетом я шла на первую лекцию, до сих пор помню ее тему: «Образование Русского централизованного государства». Студенты восприняли меня как появившуюся новую сокурсницу и, когда я шла к кафедре, предлагали свободные места за своими партами. С трепетом я заняла кафедру и, как во сне, провела первое занятие, к которому тщательно готовилась, как и к последующим. Часто приходилось идти в аудиторию после бессонных ночей, которые были посвящены подготовке к очередному занятию. Постепенно с выполнением учебных поручений я справилась. Побывавший у меня на занятиях Виктор Фомич оценил мое прилежание и поручил ведение курса истории СССР периода феодализма на стационаре.

Труднее было с организацией научной работы. Кандидатские экзамены были сданы быстро и без особых трудностей, а вот с темой научной работы не заладилось. Начало 1950-х годов – это время самого расцвета культа личности Сталина и превалирования научной работы по истории советского периода. Партком, выполняя решения обкома партии, строго контролировал направления научной работы кафедр, подменяя научных руководителей. Для

моего исследования была определена тема «Роль работ товарища Сталина “Головокружение от успехов” и “Ответ товарищам колхозникам” для развития сельского хозяйства Западной Сибири». Мне эта тема не нравилась, даже на уровне своей еще недостаточной научной подготовки я чувствовала ее изъян и идеологизированность. После длительной работы в служебных каталогах областной библиотеки и душевного метания я наткнулась на совершенно не исследованную в то время проблему переселенческого движения в Сибирь в период проведения Столыпинской аграрной реформы. Эту тему одобрил мой научный руководитель, но наш выбор не был поддержан парткомом. Тогда без согласования на кафедре и в парткоме я поехала на консультацию в Томский государственный университет к профессору И. М. Разгону. Он в разгар критики академика Минца попал под ее жернова и был выслан из Москвы в Томск. В ТГУ И. М. Разгон сформировал высокопрофессиональную кафедру и имел уже аспирантов по всей Сибири. Выслушав рассказ о моих мытарствах, профессор Разгон одобрил переселенческую тематику и порекомендовал сузить проблему до исследования самого привлекательного для переселенцев региона – Томской губернии. Окрыленная, я возвратилась в институт. Поддержка И. М. Разгона дала возможность моему научному руководителю быть более настойчивым. Тематику моего исследования, наконец, утвердили на Ученом совете института, и я стала работать.

Трудное было время. Средства на научные командировки институт находил, и в этом плане ограничений не чувствовалось, а вот доступ к архивным документам был строго ограничен и контролируем. Требовался специальный допуск к работе над «секретными» документами, который выдавался органами КГБ после тщательной проверки всей родословной аспиранта. В архивах к «секретным» были отнесены все материалы, связанные с проявлениями населением различных форм недовольства в отношении властей. Из библиотек в секретные фонды были изъяты книги и статьи, написанные оппозиционерами, материалы партийных съездов и конференций

с их речами. Выписки из нужных аспирантам источников делались вручную. Копировальная техника почти отсутствовала. Выписки тщательно проверялись начальником архива и только после этого могли быть вынесены из архивохранилища. Работа в таких условиях требовала много времени и большого напряжения. Так как я была занята еще и на кафедре, то для командировок оставалось только летнее отпускное время.

Завершение диссертации совпало с самым напряженным, можно сказать, трагическим временем. Ушел из жизни тот, который превратился уже в идеологический символ. Вся страна покрылась приспущенными, окаймленными черным крепом флагами. Запомнился путь от Новосибирска до Томска (я ехала в архив): на каждой станции поезд встречали и провожали эти траурные символы.

Доступ к документам еще больше ужесточился. В верхах политической элиты началась ожесточенная борьба за власть. В 1956 году состоялся XX съезд КПСС. Уже в конце съезда на закрытом заседании, неожиданно для его участников, Н. С. Хрущёв зачитал свой доклад с критикой культа личности Сталина. Он резко осудил массовый террор 30–50-х годов, нарушение принципов коллективного руководства, злоупотребления властью, утрату государственного контроля над деятельностью министерств внутренних дел и госбезопасности. Доклад произвел ошеломляющее впечатление на делегатов съезда. Хоть и представлен он был в рамках строгой секретности, но отдельные положения его стали достоянием общественности. Скрывать происшедшее на съезде было уже нельзя.

Вскоре доклад Н. С. Хрущёва был разослан для зачитания во все партийные организации страны. В нашем институте он был зачитан на закрытом партийном собрании секретарем парткома Г. А. Титовым. Угрюмо, молчаливо, опустив глаза, слушали коммунисты хлесткие уничижительные обвинения Сталина, а на устах у всех застыл один вопрос: а где были окружающие Сталина соратники, да и сам Хрущёв, когда этот культ зарождался, укреплялся и расцвел «приятным» цветом беззаконий и

трагедий. После первого ошеломляющего воздействия этого письма на слушателей наступила его трезвая оценка и осознание того, что ореол неприкосновенности с первой личности и его окружения снят, что началось политическое и духовное обновление общества. Стал складываться особый психологический климат, с легкой руки писателя И Эренбурга названный «оттепелью».

В такой обстановке проходила защита моей кандидатской диссертации на Ученом совете Томского государственного университета. Не только история бурного заселения земель Сибири в период Столыпинской аграрной реформы, но сама возможность пообщаться, развернуть дискуссию в более свободной атмосфере «оттепели» породили массу вопросов и желание принять участие в дискуссии не только официальных, но и неофициальных оппонентов. Сохранилась стенограмма обсуждения диссертации, в которой зафиксировано более 60 вопросов, и выступления четырех неофициальных оппонентов. В тот июньский день защищалось еще две кандидатские диссертации. Одна из них – Михаила Георгиевича Фёдорова, ассистента кафедры философии НГПИ, а другая – секретаря Новосибирского обкома партии по идеологии Михаила Семёновича Алфёрова, тоже выпускника нашего института. Этот день сблизил нас, что помогало в дальнейшей работе каждому на его посту.

Мое возвращение в институт студенты-заочники встретили, по обстановке того времени, «торжественно». Они поставили на мой стол в аудитории вазу с тигровыми лилиями. Сама защита диссертации для них была диковинным событием, и они отметили ее, как сумели и как смогли. Среди них был студент-заочник Михайлов, будущий директор 10-й школы, бывший фронтовик, ставший большим другом нашей семьи на многие годы. Эту школу позднее окончил мой сын А. И. Соловьёв. Пишу же я об этих событиях потому, что каждый штрих простой человеческой жизни помогает воссоздать атмосферу того трудного, переломного, но неповторимого времени, порождавшего душевную теплоту друг к другу. Еще живы были в

памяти страшные годы войны, суровая критика Сталина, но новая обстановка «оттепели» рождала более открытые, теплые отношения между людьми.

Становление мое как преподавателя прошло долгий путь, можно сказать – продолжалось всю жизнь. Мне пришлось осваивать все периоды российской истории и таких смежных наук, как археология и источниковедение, а не только историю времени, связанного с проблемой моего научного исследования. Уже летом 1950 года я начала читать курс истории России с древнейших времен до реформы 1861 года студентам-заочникам, а с сентября – и студентам стационара. Работа приносила огромное удовлетворение. Только что стали доступными (были переизданы) такие источники, как «Русская Правда», «Повесть временных лет» и другие, следовательно, появилась возможность работать со студентами по тексту документа, учить их, да что греха таить, и учиться самой – внешнему и внутреннему анализу источника, освоению колоритного языка того времени.

Но в середине 50-х годов началось резкое сокращение количества учителей истории в школах города и области. В среднее звено школ пошли дети, рожденные в войну и первые послевоенные годы. Сократилось количество параллельных классов и их наполняемость. Это больно ударило по историческому факультету в НГПИ. Он подвергся реструктуризации, которая вылилась главным образом в сокращение штатного расписания кафедры. Часть преподавателей кафедры была уволена, часть – переведена в другие институты. Мне помогли сохраниться в институте два фактора. Первое – это то, что я была выпускница педагогического училища, а педагогическое образование в институте считалось приоритетным. Второе – положительные отзывы о моем преподавании из другого вуза. Я тогда по направлению нашего же института читала курс истории народного хозяйства на условиях почасовой оплаты в Новосибирском кооперативном институте. Видимо, зарекомендовала себя прилично, так как его ректор Николай Николаевич Протопопов попросил перевести меня в свой институт на постоянное место работы. Михаил Алексеевич Золотов, проректор по учебной работе НГПИ,

пригласил меня на беседу и порекомендовал подать документы на конкурс на должность старшего преподавателя.

С 1955 года я, наконец, стала работать в институте не как почасовик, которого в любое время можно было уволить, а как полноправный преподаватель, избранный по конкурсу. Сложность заключалась в том, что мне пришлось разрабатывать новый лекционный курс по истории России второй половины XIX и начала XX века, который до этого читала доцент Т. П. Прудникова, переведенная в Институт кооперативной торговли. Наконец-то я могла заняться курсом истории России, близком мне по диссертационному исследованию. У меня к этому курсу был в наличии в виде фотокопий огромный пакет документов, извлеченных из центральных государственных архивов Москвы и Ленинграда и региональных архивов Сибири. Началась увлеченная разработка лекционного курса и программы семинарских и практических занятий. Это была большая творческая работа, приносившая удовлетворение и мне, и студентам.

Но вскоре этот процесс был прерван. Уволился и ушел с кафедры очередной преподаватель, читающий курс истории советского периода, в отделе науки обкома партии появилась кандидат исторических наук Людмила Александровна Ушакова, выпускница Томского университета. Она очень хотела перейти на работу в вуз по предмету «История СССР второй половины XIX – начала XX века». Такой курс существовал только на историческом факультете педагогического института. Меня пригласили в отдел науки обкома партии и предложили разработать курс истории СССР советского периода. Никакое возражение не допускалось. Разговор завершился настойчивой рекомендацией приступить к разработке нового курса. Ни о каких тайных ходах по передаче моего курса новому преподавателю я, естественно, не знала, да если бы и знала, вряд ли бы могла возразить и оказать сопротивление в условиях того времени всесильному обкому партии. Для меня сложность заключалась еще и в том, что во всех вузах страны на первом курсе на всех факультетах читался курс истории

КПСС. Преподаватели, его читающие, обычно сводили его к истории России, включая фрагменты о решениях партийных съездов и партконференций в общий ход истории страны. Нужно было отмежеваться от курса истории партии, уйти от дублирования, увлечь студентов источниками. Так, волею высокого партийного начальства, была разорвана во времени моя научная и преподавательская деятельность. Только значительно позже, уже будучи заведующей кафедрой, я поняла, что то насилие, которое я пережила, лишившись любимого исторического курса, имело и некоторые плюсы. Возглавив кафедру, я чувствовала себя уверенно при анализе посещенных занятий своих коллег, так как могла свободно оперировать источниками любого периода российской и мировой истории.

К началу 60-х годов мое положение в институте стабилизировалось. Я читала лекционный курс по истории советского общества, вела семинарские занятия, разрабатывала новые спецкурсы и спецсеминары, возглавляла профсоюзную организацию института. Все обязанности как преподавателя и общественника выполняла добросовестно и с душевной отдачей. Видимо, это и определило отношение ко мне коллектива не только нашего факультета, но и всего института.

Избрали меня делегатом Всесоюзного совещания работников высшей школы. Оно состоялось в июне 1961 года в Большом Кремлевском дворце. В совещании участвовали ректоры всех высших учебных заведений страны и представители педагогических коллективов. Наш институт представляли ректор Юрий Леонидович Лобачёв и я. Совещанию был придан торжественно-парадный характер. Вход через Спасские ворота, зал, переполненный оживленными, взволнованными делегатами, президиум, сформированный из высших представителей партийной и советской власти, доклады и речи выступавших, с пафосом говоривших о достижениях в коммунистическом воспитании студентов... Всё, казалось, свидетельствовало о незыблемости главного идеолога страны Н. С. Хрущёва. Особое раболепие к нему было проявлено во время приема при закрытии

совещания. Мы, я думаю, попали на этот прием как представители Сибири. Славословиям политики партии и Н. С. Хрущёва не было конца, а ведь до его падения оставалось всего несколько лет.

Годы с середины 50-х до середины 60-х были самыми трудными в истории института. После резкого сокращения набора в первой половине 1950-х годов прием на первые курсы стабилизировался, а на физико-математический факультет, факультет русского языка и литературы даже увеличился. Даже на исторический факультет стали принимать 50 человек. Стабилизировался и преподавательский состав. Но материальное положение института было очень тяжелым. Факультеты были разбросаны в разных концах города в школьных зданиях: физико-математический оставался на Комсомольском проспекте, естественно-географический разместился на Ботаническом жилмассиве, исторический и русского языка и литературы занял два этажа школы № 79 на улице Кубановской. Общеинститутские кафедры педагогики, психологии, физического воспитания и общественных наук были разбросаны по разным корпусам, а общежитие студентов находилось на улице Ленина. Все это создавало для преподавателей невыносимые условия работы. Были разорваны нити общения студентов. Создавались трудности в использовании библиотеки, основной фонд которой находился на Комсомольском проспекте, в доме 20.

Сложность в работе института усугублялась частой сменой его директоров (ректоров). Большинство директоров занимало эту должность не более 3–5 лет. За это время можно было только войти в курс дела и определить главные задачи, решение которых передавалось уже преемнику. Так, Семён Петрович Сеницын занимал пост директора с июля 1949 по декабрь 1957 года. Он много сделал для укрепления студенческого и преподавательского коллектива, тщательно контролировал работу приемной комиссии НГПИ, на должности председателя которой я тогда работала. Каждое утро с пачкой дел абитуриентов я ждала в приемной. Все дела он тщательно просматривал и давал соответствующие указания. Семён Петрович на высокий уровень

поднял подготовку кандидатских экзаменов у аспирантов по философии. Он сам вел занятия с аспирантами, был прекрасным знатоком философских школ предшественников марксизма – Гегеля и Фейербаха. Семен Петрович первый из директоров забил тревогу в областных партийных и советских инстанциях о невыносимых условиях существования института, о необходимости строительства новых корпусов.

С декабря 1957 по февраль 1960 года институт возглавлял Павел Максимович Сударев – химик по образованию. На посту директора он работал немногим более двух лет и освободил его по личному заявлению.

Сложное было время для института, особенно для гуманитарных наук. В течение почти четверти века – с 1940 по 1963 год – исторические науки то объединялись в один блок, то расходились. В 1964 году была вновь образована самостоятельная кафедра истории СССР. На должность заведующей была избрана я – ученица В. Ф. Цыбы, бессменного руководителя той части объединенной кафедры истории, которая имела специализацию по истории России. Состав кафедры истории СССР как самостоятельного коллектива был небольшим. В нее входили доценты Б. Г. Кокошко, Е. И. Матханова, Л. А. Ушакова, юрист В. А. Басс. Всю методическую работу кафедры вела доцент Л. И. Кравцова. Так сформировалась команда единомышленников, своим трудом немало способствовавшая развитию на всем историческом факультете той творческой атмосферы, благодаря которой студенты и преподаватели становились единым организмом.

Назначение нового директора института Юрия Леонидовича Лобачёва студенты, особенно исторического факультета, у которых он вел занятия по политэкономии, встретили с одобрением и надеждой. Молодой, энергичный, прошедший фронт, окончивший аспирантуру по кафедре политэкономии в МГПИ им. В. И. Ленина, он был готов к тому, чтобы отстаивать интересы института в Министерстве просвещения, в областных партийных и советских органах. На его долю выпало самое трудное – выбор места для строительства

новых корпусов. Юрий Леонидович был непреклонен в одном – нельзя педагогический институт выносить за обжитую черту города. Студентам и преподавателям нужны библиотеки, театры и другие культурные объекты. Большинство студентов составляют выпускники сельских мест, только за годы учебы в институте они могут поднять свой культурный уровень и возвратиться в школы высокообразованными учителями.

Семь лет Лобачёв руководил НГПИ. И все эти годы были потрачены на отстаивание интересов института. Возникло несколько проектов размещения НГПИ. Среди них было строительство на Комсомольском проспекте, рядом со старым зданием вуза. Но эта территория оказалась застроенной частными домами. Их снос и предоставление жильцам жилья требовали больших затрат. Рассматривался проект возведения педагогического городка в Кировском районе, но с левобережьем Оби существовала связь только трамваем. Не было еще метро. Самым приемлемым был проект строительства пединститута на площади Калинина с выходом корпусов и вивариев естественно-географического факультета в Заельцовский ботанический сад, но этот проект не был поддержан областными партийными и советскими органами. Наконец, появился проект строительства на Ключ-Камышенском плато. Его восприняли в штыки преподаватели института, да и сам Юрий Леонидович не был его сторонником. Преподавателей института вывозили на место будущего строительства, которое произвело на них удручающее впечатление. В самый разгар дебатов в «Учительской газете» появилась хлесткая статья «Дом без хозяина». Она предопределила уход Юрия Леонидовича с поста директора.

Решать нелегкую задачу строительства института пришлось уже новому ректору Валентину Тарасовичу Шуклецову, который был назначен на эту должность в апреле 1967 года. Его энергия, сила воли, убежденность в правильности строительства на Ключ-Камышенском плато положили конец всяким колебаниям. По поводу строительства Валентин Тарасович провел в актовом зале на Кубановской расширенный Совет института с

приглашениями всех преподавателей и сотрудников. Актный зал был переполнен. Не было равнодушных к обсуждаемому вопросу. На чертежах был представлен план будущего педгородка, на макетах – корпуса учебных зданий, общежитий, столовой, учебных мастерских. Обозначены были большая площадь перед главным корпусом, зеленая зона вокруг педгородка. Проект предусматривал даже подземные переходы от главного корпуса к общежитиям, чтобы студенты зимой могли не пользоваться теплой одеждой. Все это произвело на присутствующих неизгладимое впечатление. Смущало лишь то, что решить эту задачу будет непросто. Ключ-Камышенское плато было еще не обжито. Строительная площадка граничила с оврагом, который нужно было укреплять. В этот район не ходил транспорт, здесь не было тепла, телефона.

И вот началась строительная эпопея. Валентин Тарасович, как ее главный прораб, отдавал все свои душевные и физические силы для ее благополучного завершения. Он добился существенной помощи со стороны обкома КПСС и его первого секретаря Фёдора Степановича Горячева. Вопросы строительства института стали ежегодно обсуждаться на бюро обкома. Оперативные планерки в ректорском кабинете стали еженедельными. На них отчитывались о своем вкладе в строительство все проректоры, деканы факультетов. Давали информацию секретарь парткома и комсомола. Часто такие оперативные планерки проводились непосредственно на стройплощадке. Их действенность усиливалась тем, что на них присутствовали ответственные работники обкома и советских органов. Ежемесячная информация о строительстве направлялась в министерство. В кабинете ректора не умолкал телефон прямой связи, обеспечивающий ректору возможность общения со всеми высокими партийными и советскими органами, с объектами строительства. Министерство направляло значительные средства и требовало их освоения, что тормозилось недостаточным поступлением строительных материалов и рабочей силы. В решении этих вопросов Валентин Тарасович раскрыл свои

незаурядные организаторские способности. Он добился права на использование сил заключенных при возведении корпусов, переориентировал студентов летних строительных отрядов с романтической работы на острове Шикотан (Курильские острова) на прозаический труд по возведению собственного дома. В зимнее время факультеты поочередно снимали студентов с занятий для обеспечения стройки. Участвующим в стройке, независимо от успеваемости, гарантировалась стипендия, места в общежитии, материальная помощь.

Большую помощь ректору в решении проблем строительства оказывали деканы факультетов. Факультеты возглавляли опытные педагоги и организаторы: естественно-географический – доцент Владимир Иванович Зеркалов, русского языка и литературы – доцент Александр Иванович Горский, исторический – доцент Семён Самойлович Диненберг, инъяз – доцент Иван Егорович Авдеев, физико-математический – Николай Трофимович Гаврик. Комсомольская организация была главным помощником ректору в мобилизации молодежи на стройку. Её возглавлял тогда Пётр Вольдемарович Лепин, вскоре избранный секретарем парткома. Вот как вспоминает об этой беспрецедентной в истории Новосибирска стройке Валентин Тарасович: «За десять лет были построены районная котельная, которая теперь, после возведения ТЭЦ-5, стоит мертвым памятником тех лет, учебные корпуса, столовая, три общежития по 740 мест каждое, 216-квартирный дом для преподавателей и обслуживающего персонала. Проложены все коммуникации, запущен 12-й маршрут автобуса, тогда связавший НГПИ с Ботмассивом. Овраг укреплен посадками деревьев. Озеленена и вузовская территория»*.

В 1974 году началось переселение факультетов под одну крышу. Каждый из них занимал одно из крыльев в главном корпусе, а ректорат, партком, учебная часть и проректоры разместились в центре второго этажа. Три поточные аудитории были предназначены для чтения лекций по

* Шуклецов В. Т. Из пережитого // Это великое слово Победа! – Новосибирск, 2005. – Ч. 1. – С. 80.

общественным наукам, педагогике и психологии и проведения массовых мероприятий. Появился читальный зал для студентов и преподавателей. Был сформирован особый служебный фонд из ранее недоступных изданий.

Но полное обустройство преподавателей и студентов в новых корпусах, корректировку первоначального расположения факультетов, ректората и всех служб института пришлось проводить новому ректору – Леониду Фёдоровичу Колесникову. Леонид Фёдорович пришел в институт в ноябре 1975 года с поста заместителя председателя Новосибирского горисполкома. К этому времени он уже был опытным руководителем и педагогом, прошедшим через многие ступени педагогической и партийной деятельности. Школьный учитель, завуч школы, инспектор ГорОНО, заместитель председателя горисполкома – это ступени его педагогической и организаторской деятельности. Инструктор горкома партии, секретарь Центрального райкома КПСС – это ступени политического роста. На всех постах Леонид Фёдорович занимался школами, обучением и воспитанием молодежи, в институт пришел кандидатом педагогических наук. Леонид Фёдорович пользовался широкой поддержкой партийных и советских органов, педагогической общественности. Его появление в институте одобрительно было встречено профессорско-преподавательским и студенческим коллективом, поддержавшим все начинания ректора, направленные на улучшение материальных условий жизни и превращение института в центр педагогического мастерства. Используя полученные институтом в предыдущие годы материальные условия, свои широкие связи в городских партийных, советских и строительных организациях, Леонид Фёдорович завершил оборудование поточных аудиторий и кабинетов, перекрытие спортивного и актового залов, оснащение студенческих общежитий и учебных мастерских. В нормальном ритме стала работать столовая. Был открыт профилакторий для поддержания здоровья преподавателей и студентов, а ко Дню Победы в 1976 году была заложена аллея фронтовиков и ветеранов института. Каждый из них посадил свое

деревце. Теперь это роща поднимается могучими кронами в память о тех днях. Педагогический городок народная молва стала сравнивать с Академгородком, а это обязывало ко многому. Не снижая внимания к материальному благоустройству института, ректор направил усилия на совершенствование учебного процесса и научной работы.

Как научный сотрудник, Леонид Фёдорович рос вместе с укреплением научного потенциала института. Кафедры перешли к разработке единой комплексной темы «Социально-педагогические проблемы народного образования», а сам ректор защитил докторскую диссертацию по проблеме «Резервы эффективности педагогического труда». Меня пригласили выступить неофициальным оппонентом в ученом совете АПН при защите его докторской диссертации. В ней была поставлена главная проблема, которая будоражила педагогическую общественность тех дней – бюджет времени учителя. Мне была глубоко знакома эта проблема, так как на базе нашего института на протяжении многих лет Леонид Фёдорович проводил социологический анализ крупных массивов первичной информации с отработкой данных в Вычислительном центре СО АН, позволивший выявить общие тенденции изменения бюджета времени учителя. Я видела, как заинтересованно обсуждали эту проблему ученые АПН. Многие из конкретных предложений по научной организации учительского труда и рациональному использованию бюджета времени учителя было впоследствии внедрено в жизнь института.

В августе 1978 года я была назначена проректором по научной работе. Своим назначением на этот пост я обязана ректору института Леониду Фёдоровичу Колесникову и секретарю Октябрьского райкома партии Вере Николаевне Деменковой. Они увидели в моей работе заведующей кафедрой качества организатора науки более широкого, чем кафедральный, масштаба. Леонид Фёдорович пригласил меня на беседу, обрисовал положение дел с научной работой в институте, возможности ее новой организации при современных материальных ресурсах института, и сделал предложение возглавить этот

процесс в такой форме, что отказаться было невозможно. Утверждение мое прошло по всем инстанциям, начиная с областных партийных и советских органов и кончая коллегией республиканского министерства. Видимо, в то время в связи с завершением строительства педагогического комплекса придавалось большое значение его утверждению как крупного федерального центра подготовки педагогических кадров.

Никогда не изгладятся в памяти первые дни моей работы в новой должности. Вошла в кабинет проректора по научной работе, открыла шкафы, а там – пустые полки с единственной папкой отчета о научной работе института за предыдущий год. В папке документы, свидетельствующие о многотемье. Создавалось впечатление, что в институте разрабатывается столько тем, сколько числится преподавателей в штатном расписании. Стало ясно, что начинать работу нужно с укрупнения тематики научных исследований, устранения параллелизма и дублирования, налаживания связей с Сибирским отделением Академии наук. Месяц готовилась к докладу на Ученом совете института.

И вот начался совет. Переполнен зал. Равнодушных не было. Обсуждался животрепещущий вопрос – о совершенствовании научной подготовки будущего учителя. На доске схемы, предлагающие укрупнение научной тематики и внедрение результатов научной работы в учебный процесс. При обсуждении было высказано много ценных предложений, включенных впоследствии в перспективный план научной работы института. Из 400 тем было выделено 14 перспективных комплексных тем, вокруг которых создались крупные коллективы преподавателей, аспирантов и студентов. Это позволило в значительной степени освободиться от мелкотемья, усилить руководство со стороны ректората наиболее важными научными направлениями, повысить ответственность заведующих кафедрами за внедрение научных исследований в учебный процесс и практику работы школ. Началась длительная кропотливая работа по уточнению кафедральных и межкафедральных тем, включение их в перспективный план научных

исследований СО АН СССР. Создана была и отработана система творческих договоров о научном сотрудничестве кафедр НГПИ с институтами АПН, СО АН и СО АМН СССР. Из 33 кафедр института 14 заключили договоры о научном сотрудничестве с академическими институтами уже в 1979 году, а 10 установили научные контакты, которые в ближайшие годы были закреплены официальными документами. Связи с большой наукой давали положительные результаты в развитии вузовской науки, в подготовке научных кадров для института. Эти контакты продолжались и сохранялись вплоть до перестройки 1980-х годов. Вызывает сожаление их разрыв в настоящее время. От этого много потеряли и вузовская, и академическая наука.

Творческие усилия 85 преподавателей с восьми кафедр института, занимающихся психолого-педагогическими исследованиями, были объединены вокруг двух комплексных тем АПН СССР. Научным руководителем темы «Социально-педагогические проблемы повышения эффективности учебно-воспитательного процесса в учебных заведениях» стал доктор философских наук профессор В. Н. Турченко. Разработку второй проблемы – «Повышение воспитывающей функции урока» – возглавила кандидат психологических наук доцент Н. П. Аникеева. Исследования тенденциозно были ориентированы на внедрение в учебный процесс марксистско-ленинской идеологии, но при умелой ориентации на использование новейших достижений науки в учебном процессе могли сыграть положительную роль в формировании научного неидеологизированного мировоззрения молодежи.

Под руководством профессора А. Г. Поползина разрабатывалась тема «Природные ресурсы Западной Сибири, их освоение и охрана окружающей среды». Сложились комплексные темы на кафедре истории: «История крестьянства Сибири» (руководитель – профессор Е. И. Соловьёва), «Древняя Сибирь и ее связь с окружающим регионом» (руководитель – доцент, впоследствии профессор, В. И. Соболев).

На основе комплексных исследований студентами и преподавателями были подготовлены доклады и сообщения, прозвучавшие на научных конференциях – как региональных, так и всесоюзных. Были изданы монографии и коллективные работы: «Резервы эффективности педагогического труда» (Новосибирск, 1985), «Эффективность образования» (М., 1991). Ректором института Л. Ф. Колесниковым были опубликованы работы «Оптимизация бюджетного времени учителя» (Новосибирск, 1979); «Рациональное использование времени учителя: методические рекомендации в помощь студентам, учителям, руководителям школы» (Новосибирск, 1980). В сводный перспективный план совместных исследований вузов Новосибирска и СО АН СССР до 1985 года вошло 9 комплексных межкафедральных и кафедральных тем нашего института. Их выполняли кафедры философии, истории СССР, всеобщей истории, физической географии, экономической географии, ботаники, зоологии, теоретической физики, общей физики, химии.

Комплексная тема кафедры анатомии и физиологии человека и животных была включена в региональную программу «Медико-биологические проблемы вахтовой организации труда в районах нового промышленного освоения Востока страны». Руководителем этой темы была доктор наук профессор Л. К. Великанова. Под руководством Ларисы Константиновны при кафедре анатомии и физиологии человека и животных была открыта аспирантура. Ее первым учеником был Роман Игоревич Айзман, ныне доктор наук, ученый с мировым именем, бессменный руководитель кафедры, возглавивший ее после ухода Ларисы Константиновны на заслуженный отдых, а затем и из жизни. В памяти высвечиваются трудные годы утверждения этого научного направления. Экспериментальные материалы о вредном влиянии на здоровье человека различных промышленных отходов собирались на всех промышленных предприятиях Новосибирска. Некоторые из них считались секретными объектами, и данные об их деятельности не подлежали оглашению. Бдительное КГБ в то время следило за всей жизнью

города. Был представитель этих органов и у нас в институте. Естественно, сведения о работе кафедры Ларисы Константиновны были доложены в соответствующих инстанциях, в том числе и в отделе науки обкома партии. Меня вместе с Ларисой Константиновной пригласили в этот отдел, где шла нелюбезная беседа о «внедрении» института в жизнь засекреченных объектов. Нависла угроза закрытия перспективной темы исследования. С трудом удалось доказать ее научную значимость и безопасность публикаций некоторых материалов в изданиях, поступающих в спецфонд, а не для широкого пользования.

Укрупнение тематики научных исследований, установление творческих контактов с учеными АПН, СО АН позволили усилить процесс интеграции учебной и научной работы в деятельности преподавателей и студентов, повысить теоретический уровень всех читаемых лекционных курсов, ввести новые спецкурсы и спецсеминары по проблемам комплексных тем научных исследований, соответствующие профилю подготовки специалистов, обеспечить семинарские, практические, лабораторные занятия методическими пособиями и рекомендациями, подготовленными преподавателями вуза, создать проблемные научно-исследовательские кружки студентов, ввести индивидуальную научно-исследовательскую работу студентов в русло комплексной проблематики кафедр.

Профессорско-преподавательский коллектив института стал целенаправленно работать над проблемами вузовской методики, углублением источниковой базы учебного процесса. В течение ряда лет в институте разрабатывались проблемы: «Самостоятельная работа студентов и ее роль в повышении профессиональной подготовки учителя», «Межпредметные связи и их значение в усилении научной подготовки студентов», «Учебно-исследовательская работа студентов (УИРС) в формировании творческого потенциала учителя».

По проблеме УИРС в 1978 году была проведена общеинститутская научная конференция. В 1979/80 учебном году прошла научно-методическая

конференция по межпредметным связям и организации самостоятельной работы студентов в системе заочного обучения. При этом преследовалась цель научить преподавателей творческому подходу с элементами научного исследования ко всем видам академических занятий, как в рамках учебного процесса, так и в научно-исследовательской работе во внеучебное время. Творческий потенциал преподавателей был направлен на проведение огромной работы по определению круга умений и навыков, необходимых будущему учителю, приобрести которые студенты должны были в вузе. В этих целях на кафедрах разрабатывались учебные задания творческого характера. Все формы обучения насыщались различного вида источниками, создавался дидактический материал: структурологические схемы, таблицы, тесты, перфокарты, познавательные задания и задачи.

В пору творческих исканий новых методов и приемов активизации познавательной деятельности учащихся и студентов доцент кафедры отечественной истории Цецилия Леонтьевна Рукина разработала познавательные задания и задачи по истории. На основе разнообразных исторических источников ею были составлены 100 увлекательных задач, заставляющих обучающихся отыскивать причинно-следственные связи в гуще исторических событий, давать их оценку, определять исторические закономерности, предвидеть развитие общественной жизни. Эта форма работы стала широко применяться преподавателями всех кафедр института, внесена была и в школу. Логические задания и задачи решались во всех звеньях учебного процесса. При этом ставились различные дидактические цели. Они могли быть направлены на освоение одного вопроса или целой темы. Главное значение логических заданий заключалось в том, что они учили самому процессу мышления, ставили студента в положение исследователя.

Кафедры теоретической физики, общей физики, геометрии и методики преподавания математики, анатомии и физиологии человека и животных, ботаники, отечественной истории подготовили и опубликовали для

студентов учебно-методические пособия по всем видам и формам учебных занятий в вузе. Они предназначались для пополнения библиотечки методической литературы наших выпускников. Задача заключалась в том, чтобы в трудные дни адаптации в школе пособия играли роль наставников, помощников, советчиков. Ведь с их страниц воображение молодого учителя могло воскресить живые голоса преподавателей, воссоздать атмосферу научного поиска в студенческой аудитории.

Ответственным этапом повышения научной подготовки студентов, формирования их личностных качеств стали спецкурсы и спецсеминары. Они позволяли внедрить в учебный процесс достижения кафедр в области научной работы, вооружить студентов методологией и методикой научных исследований. В институте велось более 100 спецкурсов и спецсеминаров. Среди них по своей значимости выделялись спецкурсы, читаемые по комплексным кафедральным и межкафедральным темам научных исследований, включенным в сводный перспективный план СО АН (кафедры философии, отечественной истории, всеобщей истории, экономической географии, ботаники, теоретической физики, анатомии и физиологии человека и животных). В центре внимания научных руководителей спецкурсов и спецсеминаров стояли проблемы межпредметных связей, достижение фактического единства научной и учебной работы.

В этом плане представляет интерес спецкурс «Литература, культура, философия» для желающих студентов всех факультетов. Он вызвал большую заинтересованность студентов, аспирантов и молодых преподавателей, а поэтому читался в поточной аудитории во внеучебное время. Вели его три преподавателя одновременно: философ В. П. Тыщенко, литературовед Н. Е. Меднис и психолог Э. Н. Горюхина. Была применена особая, новая, оригинальная форма проведения занятий. Преподаватели вели между собой диалог, вовлекая в него студентов. Философ высказывал свои идеи о том или ином литературном произведении как явлении истории культуры, о его месте в духовном опыте молодого поколения, литературовед тут же подвергал

философскую позицию критическому анализу и вносил в рассматриваемую проблему точку зрения своей науки, здесь же вступал в разговор психолог, анализировавший рассматриваемые проблемы с позиции психологических закономерностей восприятия учащимися произведений искусства. В дискуссию широко вовлекались студенты. Таким путем научная проблема одного спецкурса пронизывалась, обогащалась идеями других спецкурсов. Они как будто далеко отстояли друг от друга, но в основе своей имели одну идею – эффективную форму формирования научного мышления, диалогического в своей основе. На глазах студентов демонстрировался способ добывания знаний в спорах, в столкновениях различных мнений рождалась истина.

Идея вторжения через читаемые спецкурсы в смежные области знаний стала овладевать умами и преподавателей других кафедр. Стали возникать проблемные студенческие группы, среди которых особой популярностью пользовалась проблемная группа при кафедре психологии, руководимая доцентом Э. Н. Горюхиной. Она была оформлена в клуб межвозрастных контактов «Диалоги». Здесь осуществлялась идея общения детей разных возрастов. Вместе со студентами и молодыми преподавателями дети слушали доклады, смотрели детские фильмы из школьной жизни, а затем обсуждали их. Разгорались жаркие дискуссии, студенты получали для научных исследований богатый материал о возрастных возможностях постижения искусства, особенностях эмоциональной реакции детей на те или иные события, конфликты. Здесь рождались темы научных докладов, дипломов. Здесь приобретался самый главный навык, необходимый учителю, – умение видеть ситуацию глазами детей, умение взглянуть на себя со стороны.

На кафедре анатомии и физиологии человека и животных под руководством профессора Л. К. Великановой была создана проблемная группа студентов, которая вела непосредственно в школе исследование влияния различных факторов окружающей среды на состояние здоровья и умственную работоспособность учащихся. Научная программа проблемной группы была

разработана кафедрой и согласована с работниками СО АМН. Полученные результаты были использованы для определения физиолого-гигиенических нормативов. В виде рекомендаций они были представлены органам просвещения и здравоохранения. С анализом материалов исследования студенты выступали на республиканских и всесоюзных конференциях, а две научные работы студентов прошли на Всесоюзный конкурс студенческих научных работ.

Для пытливых интеллектуалов доценты З. П. Горьковская и Ю. Л. Троицкий создали на историческом факультете экспериментальную группу «Вече». Здесь разрабатывались и апробировались теоретические основы новой технологии исторического образования, создавались первые документально-методические комплексы, определялись пути преодоления репродуктивного уровня в преподавании. Авторы впервые определили место документально-методического комплекса (ДМК) в системе школьного исторического образования. «В работе с комплексом, – читаем мы в их методических рекомендациях, – школьники проделывают две операции: извлекают из документов исторические факты и интерпретируют их в некотором связном описании, устном рассказе, ролевой игре, письменном сочинении. Таким образом, школьники как бы пишут, играют, рассказывают историю сами. Система письменных работ, например, могла бы составить авторский школьный “учебник”»*.

Документ организаторы группы «Вече» понимали шире, чем в традиционном для источниковедения понятии «исторический источник». Для учащихся документами должны были стать письменный текст, рисунок, фотография, карта, музыкальное произведение. Документы должны относиться к той эпохе, которая изучается, и с помощью учителя способствовать формированию у детей убеждения в приоритете документа как источника информации о прошлом. Работа с документами должна была соединить ребенка с историей, реально продемонстрировать сложность и

* Документально-методические комплексы по истории. – Новосибирск, 1990. – С. 4.

противоречивость и самого исторического процесса, и его познания, а самое главное – способствовать осознанию многовариантности исторического процесса и альтернативности истории. ДМК, составленный из различных типов документов, давал возможность ребенку осваивать различные роли: современника, иностранца, потомка. Впоследствии основные положения этой технологии нашли отражение в учебных планах кафедр, а участники творческой группы выросли до уровня руководителей подразделений Института истории, гуманитарного и социального образования – заведующий кафедрой всеобщей истории, историографии и источниковедения профессор К. Б. Умбрашко, заместитель заведующего кафедрой отечественной истории доцент О. М. Хлытина.

Целенаправленно и интересно вела свою работу институтская библиотека. Её работники установили творческие контакты с ГПНТБ, областной библиотекой, с кафедрами своего института. Наличие прекрасных читальных залов, преподавательского и студенческого, давало возможность организовывать встречи студентов с деятелями науки и искусства, регулярно выступать перед ними самим работникам библиотеки и преподавателям института. Яркие, увлекательные лекции по истории искусств читала старший преподаватель кафедры иностранных языков Л. И. Державец. Это были экскурсии по залам знаменитых хранилищ произведений русской и мировой культуры – Дрезденской галереи, Эрмитажа, Третьяковской галереи, Русского музея. Сотрудники библиотеки приглашали на встречу со студентами писателей и поэтов города. Будущие учителя соприкасались с прекрасным и вечным.

Большим событием в жизни института был запуск первой очереди внутривузовского телевидения с телецентром и с выходом на четыре поточные аудитории. Начала действовать Малая педагогическая академия для учащихся старших классов города. В Малой академии было открыто 12 отделений: русского языка, литературы, математики, истории, иностранного языка, рисунка и черчения, педагогики, психологии, физики, химии,

географии, биологии. В первый год в академии обучалось несколько десятков слушателей, а к 1985 году их число достигло 180 человек.

Институт подготовил базу для выпуска печатной продукции в издательстве «Кедр». На ЕГФ был завершён монтаж кабинета химии. ФМФ установил электронный микроскоп и современную измерительную оптику.

Достойная материально-техническая база нашего нового института, уже обжившего некогда неуютное Ключ-Камышенское плато, творческая работа преподавателей и студентов, вдохнувших жизнь в аудитории и кабинеты, создали условия для того, чтобы Министерство просвещения РСФСР, Республиканский комитет профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений определили наш институт базой проведения Всероссийского координационного совещания руководителей педагогических учебных заведений. Такое совещание состоялось на базе НГПИ в июне 1980 года. На нём обсуждалась проблема совершенствования научной подготовки будущих учителей. Участниками совещания были все ректоры педагогических институтов, директора педучилищ и представители партийных и профсоюзных организаций РСФСР. Ответственно готовился к совещанию коллектив преподавателей и студентов института. Главное внимание ректора было обращено на то, чтобы кафедры раскрыли участникам совещания внутреннее содержание методической работы по внедрению науки в учебный процесс. Были подготовлены 72 брошюры с учебно-методическими рекомендациями по всем видам и формам научной подготовки учителя. В этой работе принимали участие все кафедры, кабинеты и лаборатории, а также библиотека. Каждому участнику совещания была подготовлена подарочная папка с нашими изданиями. На всех кафедрах были созданы учебно-методические комплексы для студентов. Оснащён был методической литературой и техническими средствами обучения лингафонный кабинет на инъязе. В кабинете была студия звукозаписи и 75 посадочных мест. Работал он по шести программам на английском, французском и немецком языках. Впечатляли технические возможности

пульта управления. Студенты ласково называли его пультом космического корабля.

Обращено было внимание и на эстетическое оформление института. На стенах больших холлов по штукатурке были созданы красочные полотна на педагогическую тематику. Огромные окна на лестничных переходах второго и третьего этажей были закрыты оригинальными цветowymi витражами. В читальных залах библиотеки разместились выставки редких книг и научных трудов преподавателей и студентов. На ЕГФ в кабинете геологии развернулась выставка находок студенческого кружка, а кафедра анатомии и физиологии человека и животных в схемах и диаграммах представила исследования о влиянии окружающей среды на здоровье человека. ФМФ создал редкостную в то время электронно-вычислительную лабораторию. Исторический факультет развернул богатейшую экспозицию находок, полученных археологическим кружком и в ходе археологической практики студентов. Здесь были представлены материалы о разновременных поселениях и могильниках Новосибирской области, добытые студентами под руководством профессора Т. Н. Троицкой.

Пленарное заседание открылось 19 июня в актовом зале НГПИ. С докладом, наметившим пути повышения качества подготовки учителя, выступил начальник Главного управления высших учебных заведений РСФСР Дмитрий Михайлович Забродин. Лейтмотив, определивший направление диалога и дискуссий руководителей педагогического образования – единение научной и учебной работы в вузе, проникновение научных исследований преподавателей в учебный процесс. О совместной работе органов народного образования, учебных заведений и научных учреждений города Новосибирска рассказал заведующий Новосибирского ОблОНО Михаил Васильевич Овечкин. По традиции того времени совещание открылось выступлением секретаря Новосибирского обкома КПСС. Был представлен и доклад Республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений о роли профсоюзных организаций

педагогических учебных заведений в повышении уровня научной подготовки студентов и учащихся.

Ректор НГПИ Л. Ф. Колесников поделился опытом совершенствования научной подготовки студентов в нашем институте. Леонид Фёдорович рассказал об укрупнении тематики научных исследований, о системе творческих договоров кафедр с институтами СО АН, СО АМН, АПН, об опыте формирования творческой познавательной деятельности студентов через последовательное систематическое приобщение их к научно-исследовательской работе как в рамках учебного процесса, так и в научно-исследовательской работе во внеурочное время. На дискуссию были вынесены проблемы повышения уровня преподавания социально-экономических дисциплин (ректор ЛГПИ им. А. И. Герцена А. Д. Боборыкин), пути и формы совершенствования научной подготовки учителей математики и физики (ректор Челябинского пединститута С. В. Шулёпов), повышение уровня научной подготовки учителей биологии и химии (ректор Астраханского пединститута В. Я. Пятин), улучшение научной подготовки учителей русского языка и литературы (ректор Волгоградского пединститута В. Ф. Гоголин). О роли психолого-педагогических наук в повышении научного уровня подготовки учителя говорил ректор Саратовского пединститута М. С. Кобзев, а с обобщением роли спецкурсов и спецсеминаров в научной подготовке студентов выступил ректор Новокузнецкого пединститута Р. Л. Яворский. Ректор Тульского пединститута В. А. Буровихин представил опыт своего института в создании учебников и учебных пособий для педагогических вузов и средних школ. Ректор Иркутского пединститута поднял всех волновавший вопрос о методах подбора, подготовки и повышения квалификации преподавательских кадров педагогических вузов. С большим вниманием участники совещания выслушали доклад ректора Пензенского госпединститута М. В. Емановой о роли технических средств и программированного обучения в совершенствовании научной подготовки студентов. Приняли участие в

обсуждении проблемы внедрения науки в учебный процесс и директора педагогических училищ. Свои размышления и тревоги по обсуждаемому вопросу высказали директор Новосибирского педучилища № 1, Дербентского педучилища, Zubovo-Полянского (Мордовской АССР) педучилища и другие.

Для участников совещания были организованы поездки в СО АН СССР и СО АМН СССР – в академические институты, с которыми кафедры НГПИ имели творческие договоры о сотрудничестве. Здесь состоялся заинтересованный разговор о единении вузовской и академической науки. Многие ректоры прямо во время совещания подписали творческие договоры с исследовательскими институтами СО АН, ректорами МГПИ и ЛГПИ о подготовке кадров для своих вузов через столичные аспирантуры и докторантуры. Главный итог совещания заключался в обмене положительным опытом внедрения результатов научных исследований в учебный процесс. Были установлены личные творческие контакты между руководителями высшего педагогического образования. Ректоры представляли на общественный суд лучшее в работе своих вузов. Совещание обобщило этот опыт, и он стал базой дальнейшего творчества вузовских работников. Для ректората и всего педагогического коллектива нашего института совещание было проверкой наших возможностей. Оно высветило правильность нашего курса на соединение вузовской и академической науки в деле повышения научной подготовки учителя. Ознакомление с опытом других вузов определило еще не использованные методы и формы работы в этом направлении.

1980 год – важная веха не только в развитии института, но и в моей личной биографии. Совещание проректоров по научной работе на базе нашего института высветило большой творческий потенциал ректора института Леонида Фёдоровича Колесникова и мое скромное участие в организации и подготовке такого ответственного и важного для будущего развития института дела. В стенах НГПИ тогда уже трудилось 425 преподавателей, из

них 109 кандидатов наук, доцентов, 159 старших преподавателей и 150 ассистентов. А докторов наук было только шесть. База для роста преподавателей со степенями и званиями была. Нужно было ее только рационально использовать. Определился курс на открытие собственных аспирантур, использование аспирантур АПН и СО АН, участие во всероссийских и всесоюзных конференциях, которые в 80-е годы проводились регулярно.

Моему собственному росту как руководителя научного комплекса института способствовало участие в работе городских, областных совещаний по народному образованию и особенно во Всесоюзной научно-практической конференции историков педвузов СССР. Эта конференция была проведена летом 1980 года в Ташкенте на базе Ташкентского государственного пединститута. Это было время, когда среди интеллигенции, студенчества стало проявляться критическое отношение к концепции «развитого социализма», введенной в политическую сферу жизни общества Л. И. Брежневым. Чувствовалась напряженность в межнациональных отношениях внутри страны и между странами народной демократии. В этих условиях партийные и советские органы, средства массовой информации придавали большое значение интернациональному воспитанию. Печать, радио и телевидение настойчиво внушали мысль о формировании в СССР особой исторической общности людей, сложившейся путем впитывания каждой национальной культурой народов нашей страны самого лучшего, что есть в культуре других наций и народов. Цементирующей основой этого процесса объявлялась марксистско-ленинское учение о выравнивании экономического и духовного развития всех народов, населяющих нашу страну, и поднятии их до самого высокого уровня. Особая роль в решении этой сложной задачи отводилась истории России.

Ташкент встретил участников конференции торжественно. В центре вокзальной площади выстроился оркестр национальной филармонии, в национальной одежде и с удивительными национальными инструментами,

исполнивший приветственную мелодию. Нас разместили в гостинице, а вечером всех ожидал еще один сюрприз восточного гостеприимства – машина, груженная арбузами, дынями и другими овощами и фруктами. Сейчас, когда мы живем в разных государствах, когда ученые ослабили научные контакты, когда средства массовой информации транслируют негативное представление о нашей совместной жизни в едином государстве, невольно вспоминаются отдельные моменты той эпохи и думается, что не всё нужно было ломать и крушить. Лучшее в человеческих отношениях нужно было сберечь, сохранить и перенести в новую жизнь.

Первый день пленарного заседания поразил торжественной парадностью. Открыл его министр народного образования Узбекистана. Доклад изобиловал верноподданническими чувствами узбекского народа к КПСС и советскому правительству. Подчеркивалась особая значимость дружбы наших народов и межнациональных связей в развитии экономики и культуры Узбекистана. Зал был заполнен главным образом студентами, преподавателями и гостями из других вузов. Сидящим в президиуме он был хорошо виден. Потрясающей была однородность национального состава сидящих в зале – узбеки, головы которых были покрыты расшитыми тюбетейками. Лишь кое-где виднелись славянские лица. В кулуарных разговорах с русскими преподавателями и студентами проскальзывала мысль о трудностях поступления в институт лиц неузбекской национальности. Но все это пока было покрыто пеленой равных прав и возможностей для всех наций, населяющих нашу страну. До перестройки, развеявшей эти иллюзии, оставалось совсем недолго. А пока царила атмосфера дружбы и братства и, казалось, в будущем она будет нас еще больше сближать. В те годы в нашем институте, особенно на историко-педагогическом, физико-математическом, естественно-географическом факультетах учились люди разных национальностей, много было студентов из Якутии, Грузии, Армении, Казахстана.

Начальник Управления учебных заведений Министерства просвещения СССР Валерий Константинович Розов представил на конференции в

Ташкенте доклад о значении преподавания истории в вузе для интернационального воспитания учителя. Звучали трогательные слова о дружбе народов, о высоких нравственных качествах, пронесенных через века людьми разных народов, о необходимости их сохранения и обогащения общечеловеческими качествами. Это была идиллия. Жизнь показывала и обратные стороны общения в многонациональном обществе. Но в 1980 году межнациональные эксцессы в нашей стране еще не достигли крайней точки напряжения.

Красив и монументален был отстроенный после землетрясения усилиями всех народов страны Ташкент. Поражала как памятник культуры, но все еще действующая обсерватория Улугбека. Самарканд и Бухара дышали историей и в то же время были современны и национальны. Чувствовалось, что государство наше не жалеет средств на сохранение памятников культуры ушедших веков. Щедро финансирует национальные республики, часто в ущерб другим регионам, особенно Сибири. И все это делалось с целью поднять культурный уровень национальных республик до уровня Российской Федерации, хотя многими республиками он уже был превзойден.

С августа 1978 по январь 1981 года длилась моя работа в институте как проректора по науке. Все это время я ощущала помощь и уважительное отношение к себе ректора Леонида Фёдоровича Колесникова, моих коллег – Василия Михайловича Кравцова (проректора по учебной работе), Валерия Алексеевича Угодникова (проректора по заочному обучению), Анзора Георгиевича Джоджуа (проректора по административно-хозяйственной части), Петра Вольдемаровича Лепина (секретаря парткома), заведующих кафедрами, преподавателей и студентов. В такой атмосфере работа спорилась, появлялись силы и желание вывести институт в лидеры среди педагогических вузов страны. Весь слаженный профессорско-преподавательский коллектив работал как здоровый организм, проявляя творчество и самоотдачу, умело используя улучшенные в предыдущие годы материальные условия – новые учебные корпуса, студенческие общежития,

оборудование учебных кабинетов. Все свои усилия коллектив направлял на дальнейшее совершенствование учебного процесса, внедрение в него научной работы преподавателей.

В то время важным стимулом улучшения работы считалось участие во Всесоюзном социалистическом соревновании и занятие при подведении его итогов призовых мест. В 1979 году за достижение высоких показателей в этом соревновании Министерство просвещения РСФСР, а через два года Министерство просвещения СССР вместе с ЦК отраслевого профсоюза наградили НГПИ переходящим Красным Знаменем. Казалось, магистральный путь развития института найден – единение научного и учебного процесса в работе преподавательского и студенческого коллектива. В дальнейшем предстоит углубление и совершенствование этого процесса в соответствии с требованием времени, но все же коллективу и мне будет легче. Но ситуация сложилась иначе.

В БОЛЬШОЙ МИР

В начале 1980-х годов в стране наступило сложное время внутрипартийной борьбы вокруг стареющего Л. И. Брежнева. В последние годы его жизни застойные явления проявлялись во всех сферах народного хозяйства и идеологии. Брежнев уже невнятно призывал к укреплению «развитого социализма» и в то же время способствовал росту номенклатуры, которая готовилась к превращению государственной собственности в собственность личную. Окруженный толпой престарелых сотрудников по партии, он украшал себя многочисленными наградами. Несоответствие между лозунгами «развитого социализма» и действительностью будоражило молодежь.

Мы, люди своего времени, остро чувствовали надвигающийся неумолимо уход лидера, тревожно ждали перемен. Поэтому, когда после политической чехарды, вызванной уходом в небытие Брежнева, утвердился молодой лидер

М. С. Горбачев, впервые обратившийся к народу без заранее написанного текста, вздохнули с облегчением. Горбачев объявил о планах широких реформ, направленных на всестороннее обновление общества. Краеугольным камнем этих реформ было названо «ускорение социально-экономического развития страны». Особое внимание уделялось активизации «человеческого фактора» через укрепление дисциплины и стимулирование новых форм труда. Большой энтузиазм среди учителей и работников вузов вызвали широко разрекламированная школьная реформа и постановление ЦК КПСС «Основные направления перестройки высшей школы». Советское общество, преподавательские и студенческие коллективы высших учебных заведений с одобрением восприняли новый курс. Всем надоела затхлая атмосфера и практика начала 80-х годов. Однако провозглашенные цели были туманны, а средства их решения – неясны. У государственной и политической элиты не было ясного представления о причинах и характере кризиса советского общества. В феврале 1986 года состоялся XXVII съезд КПСС. Он изменил программу партии, убрал устаревшее теоретическое положение о построении коммунизма. Вместо него был провозглашен курс на «совершенствование социализма». Съезд одобрил закон о трудовых коллективах, тем самым как бы открыл внедрение демократических процессов в управление. На практике закон привел к дезорганизации деятельности администрации, но это проявилось позже – в конце 80-х – начале 90-х годов.

В январе 1981 года произошел кадровый виток в Новосибирском областном комитете партии, повлиявший на изменение состава ректората НГПИ. Леонид Фёдорович Колесников, наш ректор, был избран секретарем Новосибирского обкома КПСС. Он покинул институт, согласовав мою кандидатуру на должность ректора во всех партийных, советских и министерских инстанциях. Все решалось в верхах, без ведома коллектива, Совета вуза. Это был очень трудный, болезненный для человека путь по служебной лестнице. Коллектив мог внутренне не принять назначение, хотя внешне не проявлять несогласие. И опять я прошла все инстанции по

согласованию, вплоть до самой верхней – ЦК КПСС. Находилось это учреждение в самом центре Москвы, недалеко от Красной площади. Массивное строго охраняемое здание с постовыми от ворот до самого входа и с внутренней охраной. В памяти отложились все мельчайшие штрихи от истории его посещения. Видимо, это потому, что нечасто рядовому гражданину страны приходилось общаться с работниками высшего партийного аппарата, да и сам этот аппарат рассматривался, прежде всего, как карающий орган. Беседа была короткой, касалась моего видения будущего развития педагогического образования и запомнилась внутренним благоприятным ощущением от ее исхода.

Возвратилась я в институт уже в новой должности. Коллектив воспринял это с пониманием. Леонид Фёдорович обещал помогать и действительно оказывал моральную и материальную поддержку и мне, и вузу в течение всех лет моей работы. Но главными моими помощниками были проректоры В. М. Кравцов, В. А. Угодников, А. Г. Джоджуа. Василий Михайлович и Валерий Алексеевич были талантливыми организаторами учебного процесса на дневном и заочном отделениях в вузе, вели его в духе современных требований, определяя приоритетное направление подготовки педагогических кадров для Сибири и особенно – Новосибирской области. Анзор Георгиевич был непревзойденным организатором и руководителем административно-хозяйственной части.

Первое дело, которое предстояло решить – это найти в коллективе человека, который занял бы освободившуюся вакансию проректора по научной работе. Это должен быть человек, обладающий разносторонними знаниями, деловой, исполнительный, имеющий опыт административной работы, хорошо знающий коллектив. Таким человеком мне показался (и интуиция меня не подвела) заведующий кафедрой геометрии и методики преподавания математики доцент Акрам Жафярович Жафяров. Он всегда одним из первых представлял отчеты о научной работе кафедры с широкими обобщениями и

предложениями по улучшению деятельности коллектива. Мой выбор был поддержан другими проректорами, коллективом института и министерством. Но вскоре в составе ректората произошли непредвиденные изменения. Оставил свою должность по болезни Василий Михайлович Кравцов. Встал вопрос о проректоре по учебной работе. Мой выбор пал на П. В. Лепина, секретаря парткома института. Мне казалось, что работа в партийной должности уже не приносит Петру Вольдемаровичу удовлетворения. Это были предперестроечные годы, когда утверждались демократические начала во всех сферах жизни. Мое предложение возглавить учебную часть Пётр Вольдемарович принял благожелательно. В областном комитете партии секретарь по идеологии Л. Ф. Колесников эту кандидатуру также поддержал. В Министерстве просвещения РСФСР при утверждении Петра Вольдемаровича особенно одобрительно отозвался о нем начальник ГУВУЗа Д. М. Забродин. И Пётр Вольдемарович был назначен проректором при его поддержке. Проблемные лекции, воспитание в процессе обучения, внедрение науки в учебный процесс, внедрение ЭВМ в преподавание... Вместе с ростом института рос и его проректор. Защитил докторскую диссертацию, стал профессором, академиком Международной педагогической академии. С февраля 1988 года – ректор НГПУ. Петр Вольдемарович возглавляет Ассоциацию педагогических вузов Сибири, является председателем докторского совета по психолого-педагогическим дисциплинам. За плодотворную педагогическую деятельность П. В. Лепин награжден орденом Дружбы народов и медалями.

Сплоченный единством цели, видением перспектив роста института, уважительным отношением преподавателей и студентов друг к другу, поддержанный деканами и заведующими кафедрами, ректорат приступил к решению стоящих перед ним задач.

Рост Сибири в развитии экономического потенциала страны остро ставил вопрос о подготовке высококвалифицированных специалистов для всех отраслей народного хозяйства. Решение этой проблемы прямым образом

завесило от уровня развития народного образования. На начало 80-х годов по обеспеченности общеобразовательных школ учителями с высшим образованием Новосибирская область значительно отставала от уровня Российской Федерации. Число учителей с высшим образованием в 4–10 классах составляло в Новосибирске 92,3 %, а в сельских местностях области – только 62,8 %. За годы 10-й пятилетки Новосибирский пединститут выпустил 2722 учителя. Большинство выпускников было распределено в сельские районы области. Это улучшило обеспеченность школ учителями с высшим образованием. В 1980 году среди учителей 4–10 классов в Новосибирске этот показатель составил 95,7 %. Тот же процесс наблюдался и на селе. В 1980/81 учебном году доля учителей с высшим образованием в сельской местности увеличилась до 71,8 %, но в то же время определился очень высокий отсев учителей из села.

На февральском совете института (1981 год) были проанализированы причины отсева учителей и определены направления работы по его сокращению. Причины отсева были следующие: на огромной территории Новосибирской области существовал только один педагогический институт; Новосибирский пединститут длительное время был вузом с ограниченным набором. Еще в 50-х – начале 60-х годов набор в вуз не превышал 240 человек; крупный индустриальный центр притягивал учителей во многие сферы народного хозяйства, давал им более высокое материальное обеспечение; шел процесс организации трех академий, которые поглотили массу учителей. Эти причины сохранились и в 80-е годы, но теперь институт мог дать больше выпускников для Новосибирской области. В 1981 году прием в институт составлял 1040 человек, в 1982-м – 1140, на 1983-й министерством была сохранена та же цифра, в 1984 году план приема был повышен до 1190 человек, а зачислено было 1285. В 1986 году план приема увеличился до 1340 человек, а фактическое зачисление составило 1353, в 1987 году в институт было принято 1376 человек. В последующие годы, вплоть до «перестройки», Министерство просвещения РСФСР увеличивало

план приема, а институт его выполнял и просил увеличения контингента на первый курс.

Несмотря на существующий отсев (его не удавалось сократить никакими мерами), росло число выпускаемых учителей. В 1981 году институт выпустил 716 человек, в 1982-м сохранился тот же выпуск, в 1983-м выпуск составил 747, в 1985-м – 736, в 1986-м – 741. Если учесть выпуск заочного отделения, то ежегодно область получала около 1100 учителей. Большинство выпускников распределялось в села Новосибирской области. Так, в 1981 году в сельскую местность Новосибирской области получили назначение 68,9, в 1983 году – 67,5 % выпускников. В последующие годы, вплоть до «перестройки», пока существовало государственное распределение, сохранялась та же тенденция.

На институт возлагалась большая ответственность за комплектование учительских кадров Новосибирской области. Доля учителей, получивших образование в европейской части страны, была невелика. По Новосибирску она составляла 21,9, а в сельских местностях области – 18,3 %. В число лиц, получивших образование в учебных заведениях европейской части СССР, также входили в основном сибиряки. Надо еще учесть, что большая часть специалистов, подготовленных НГПИ из абитуриентов, поступивших в вуз из других районов страны, не приживалась в Сибири и уезжала в западные и южные районы. Это требовало от ректора особого внимания к проблемам комплектования педагогического вуза.

В начале 80-х годов была разработана целевая программа «Школа – вуз – школа» на период до 1995 года. Она предусматривала совместную работу с Областным отделом народного образования по комплектованию вуза. Это была комплексная долговременная программа подготовки педагогических кадров, основанная на новых принципах, на системе заказов органов управления образованием институту на подготовку специалистов для области, отдельных районов и даже школ. Эта система охватывала все стадии: прием, подготовку специалистов, распределение, стажировку.

Программа предусматривала раннюю профориентационную работу вузовских преподавателей, включение в нее наших выпускников в школах. Увеличивался внеконкурсный набор. В ноябре 1981 года он составил 147 человек, в 1982-м при плане приема вне конкурса в 225 было зачислено 265 внеконкурсников, а в 1983-м – уже 383, в 1986 году – 409. Ректорат и ОблОНО издали совместный приказ по закреплению кафедр и сотрудников ОблОНО, областного института усовершенствования учителей за районами Новосибирской области. Мы провели совместное заседание Совета института и коллегии ОблОНО с приглашением всех заведующих районными отделами народного образования, представителей профсоюзных и комсомольских органов районов области с повесткой дня «Профориентационная работа на учительскую профессию». Внеконкурсный набор проводился совместно с областными, городскими, районными отделами народного образования. Направления на внеконкурсное зачисление получали абитуриенты из отдаленных районов, имеющие в аттестате зрелости только отличные и хорошие отметки.

Чтобы улучшить качество набора в институт, представители ректората выступали в средствах массовой информации. Издали специальный выпуск многотиражной газеты, посвященной абитуриенту. Преподавательские и студенческие тематические «десанты» выезжали в сельские и городские школы области для ориентации выпускников на учительскую профессию, функционировала Малая педагогическая академия для учащихся школ Новосибирска, были открыты платные подготовительные курсы. Ежегодно проводился трехдневный семинар для выпускников сельских школ области, изъявивших желание поступить в НГПИ. В местных газетах, на радио и по телевидению преподаватели и студенты рассказывали о работе института, о жизни студентов, правилах приема. По телевидению был показан короткометражный документальный фильм «Новосибирский педагогический». В районных центрах (Куйбышев, Баган, Венгерово) работали физико-математические классы, после окончания которых

учащиеся практически в полном составе поступали на наш физмат. Систематически проводились олимпиады, дни открытых дверей. В 1982 году в институт приезжало 700 выпускников школ, в 1983 году – 1100. В последующие годы число желающих поступить в институт увеличивалось. Институт продолжал профориентационную работу среди военнослужащих срочной службы. Преподаватели и студенты выезжали в воинские части Сибирского, Забайкальского и Дальневосточного военных округов, выступали перед военными, несущими службу на БАМе, на Камчатке, Сахалине и Курильских островах. В воинские части, в которых служили призванные из Новосибирской области, рассылались рекламные материалы. Слушатели подготовительного отделения и студенты НГПИ в каникулы проводили беседы с уволенными в запас по месту жительства.

В учебно-методической работе, прежде всего, были определены пути усовершенствования процесса, его педагогического обеспечения, контроля качества выпускаемых институтом учителей. Основные направления деятельности института определялись Советом института и включали в себя: совершенствование квалификационных характеристик (профессионализм) учителей всех специальностей, готовящихся в НГПИ; организация профориентационной работы, как среди студентов института, так и среди учащихся средних школ области; обеспечение адаптации студентов первого курса к обучению в институте; выработка современной концепции учителя и совершенствование в свете этой концепции учебных планов по разным специальностям; совершенствование учебных программ с целью их максимальной ориентации на подготовку учителя; внедрение современных методов преподавания, электронно-вычислительной техники и технических средств обучения; организация межфакультетских семинаров, творческих лабораторий современной деятельности преподавателей и студентов; оптимизация форм организации самостоятельной работы студентов; изучение лучшего опыта работы преподавателей, совершенствование организации учебы молодых преподавателей, проведения всех видов

педагогической практики; организация работы со стажерами; систематическое изучение учебно-воспитательной работы каждого преподавателя; развитие методического обеспечения учебных предметов и издание методических рекомендаций.

Для организации всей этой работы в институте был создан на общественных началах внеструктурный методический отдел. Он действовал до начала 90-х годов и прекратил свое существование после взятия курса на капиталистическое развитие страны. Этим отделом в работу по улучшению качества подготовки учителей были вовлечены деканы, заведующие кафедрами, члены партийного комитета, комсомольский актив. Он объединил лучших методистов, творческих преподавателей. Тщательно была продумана структура методического отдела. Председателем по приказу ректора был назначен проректор по учебной части П. В. Лепин, его заместителями – профессор Д. Х. Рубинштейн и член партийного комитета доцент М. П. Алексеева. В методическом отделе было выделено десять структурных подразделений, охватывающих все стороны подготовки учителей – от набора до выпуска и последующей стажировки.

В работе методического отдела принимали участие 58 преподавателей института. Подотделы комплектовались следующим образом: совершенствование программ – руководитель доцент С. В. Дьякович, члены подотдела – доценты Н. М. Прокопьева, П. А. Парфёнов, В. М. Никифорова, А. С. Абрамов, И. В. Островский, Е. М. Потапов, Т. А. Черемисина; работа со студентами первого курса – руководитель доцент Г. А. Казанская, члены – доценты Л. И. Боровиков, Б. Н. Чистяков; организация самостоятельной работы студентов – доцент З. В. Эсебуа (руководитель), члены – доценты Н. Е. Меднис, Л. А. Ефимова, Е. Б. Попова. Очень представительным был отдел организации педагогических практик. Его возглавила заведующая кафедрой педагогики доцент Т. Л. Павлова, а членами стали доценты Л. А. Каменщикова, Т. С. Перфилова, С. Е. Довбня, Р. А. Рыбакова, З. И. Антонова, Л. Я. Никитина. Большое значение придавалось совершенствованию учебных

планов и программ. Это направление учебно-методической работы возглавил заведующий кафедрой профессор Р. И. Айзман, а в состав подотдела вошли доценты Л. И. Исакова, Б. П. Носов, С. Е. Царёва, Е. Б. Алексеева, З. А. Чеканцева, Ю. В. Шатин, Л. И. Головина. Был выделен специальный подотдел совершенствования методов обучения, руководство которым было поручено доцентам А. Я. Большунову и А. А. Морозову, членами подотдела стали заведующий кафедрой доцент В. П. Тыщенко и доцент С. И. Лобов. Изучение опыта и контроль деятельности коллектива были поручены доцентам с большим опытом методической работы – А. А. Глухачёвой (руководитель), Г. Я. Нечипуренко, Е. А. Кустас, Е. Б. Скворцовой (члены). Подотдел методического обеспечения учебного процесса возглавил заведующий кафедрой профессор Ю. В. Фоменко, а членами подотдела стали методисты доценты Ф. С. Кузнецова и Л. А. Конева. Работа со стажерами была поручена деканам И. Н. Тимченко (руководитель), А. Я. Козлякову, Е. Б. Клевакиной, З. А. Леденёвой, Ю. Б. Сосновскому, Н. Н. Пономарёвой. В особое направление была выделена профориентационная работа. Этот подотдел возглавила доцент Э. П. Королёва, в его состав вошли Н. Н. Королёва, А. А. Шрайнер. Ученым советом института, помимо состава методического совета, были утверждены направления и план его работы.

Большое значение в рамках непрерывного обучения придавалось стажировкам молодых специалистов, которые проходили под руководством совета по организации практики. Он создавался приказом ректора и состоял из 13 человек. В него входили деканы всех факультетов, представители психолого-педагогических кафедр. На факультетах создавались организации стажерской практики из представителей выпускающих кафедр, методистов и кураторов студенческих групп. Каждый год в апреле-мае деканаты и заведующие кафедрами закрепляли студентов за преподавателями кафедр. На факультетах велись карточки стажеров, куда помещались сведения о прохождении практики. Во время ежегодных научно-практических конференций преподавателей и студентов института создавалась секция

«Обобщение опыта работы стажеров НГПИ», которая обобщала опыт работы со стажерами. Большое значение в организации непрерывной практики имела подготовленная учебным отделом института «Контрольно-учетная книжка студента-практиканта и учителя-стажера». Она была издана типографским способом и учитывала всю практическую деятельность студента-практиканта и учителя-стажера. Это позволило осуществлять непрерывность и преемственность всех видов практики, своевременно оказывать помощь студентам (стажерам) со стороны методистов, учителей, руководителей школ. На общественных началах работали деканами по методической работе на своих факультетах А. А. Глухачёва, Р. А. Рыбакова, В. А. Кустас, Ю. В. Фоменко, Л. Н. Исакова, Ф. С. Кузнецова, В. М. Потапов, С. Е. Довбня, Л. И. Боровиков, В. П. Носов.

Такое широкое вовлечение методистов и опытных преподавателей в работу методического отдела давало положительный результат. В период крутой ломки устоявшихся форм и методов работы в 80-х годах НГПИ удалось сохранить лучший опыт, накопленный предшествующими поколениями, и внедрять новые направления, дававшие больше самостоятельности преподавателям и студентам в организации учебного процесса, делавшие его более демократичным. Сокращены были обязательные аудиторные занятия на 1–3 курсах до 28 часов в неделю, на 4–5 курсах – до 24 часов. Самостоятельная работа студентов контролировалась преподавателями по специальным графикам, разработанным с учетом пожеланий и индивидуальных возможностей студентов. В течение 80-х годов отдельным студентам были разрешены индивидуальные планы подготовки, а с 1987/88 учебного года студенты были введены в состав советов факультетов и института. Их представительство составляло до 25 % численности советов. Отменена была система условных переводов студентов на следующий курс. Студентам, получившим в сессию неудовлетворительные оценки, устанавливались строгие сроки ликвидации академической задолженности. Институт был очищен от студентов, систематически неуспевающих,

попавших в него не по призванию. А тем, кто желал заниматься научной работой, разрешено было участвовать в научных экспедициях – археологической, фольклорной, краеведческой и других. Введена была государственная аттестация выпускников института. С 1989 года ГЭК формировался из числа преподавателей НГПИ, лучших учителей школ и ПТУ города и области.

Профессиональной направленности подготовки учителя способствовало то, что с 1987 года лабораторные занятия по педагогике проводились в базовых школах факультетов. С начала 80-х годов кафедра педагогики (заведующая доцент Т. Л. Павлова) пересмотрела учебно-методические курсы «Введение в специальность», «Педагогика школы», «История педагогики». В содержание учебно-методических комплексов были включены разделы: профессиограмма учителя, система основных понятий, умений и навыков, программы и методические рекомендации к проведению лекционных, лабораторно-практических и семинарских занятий, списки литературы, описание системы самостоятельной работы студентов и форм ее контроля, перечень наглядного и дидактического материала, вопросы курсовых и государственных экзаменов, тематика рефератов, курсовых и дипломных работ, протоколы согласования межпредметных связей. Кафедра педагогики была инициатором этого большого дела, а к концу 80-х годов учебно-методические комплексы с учетом специфики учебных курсов были разработаны и действовали на всех кафедрах института. В соответствии с профессиограммой учителя преподавателями кафедр были определены конкретные педагогические умения, которые формировались у студентов в процессе изучения отдельных курсов, выстроены система знаний и логика их формирования, обеспечивающая творческое применение в педагогической деятельности. Преподаватели разработали познавательные задания и задачи, деловые игры, целенаправленно готовящие будущих учителей к осуществлению учебно-воспитательных задач. Широкой известностью в школах города и области пользовались познавательные задания и задачи,

составленные доцентами Э. П. Королёвой (кафедра педагогики), профессором Л. К. Великановой (кафедра анатомии и физиологии человека и животных), опорные конспекты доцента Н. И. Загоренко (кафедра педагогики), профессора В. П. Тыщенко (кафедра философии), доцентов И. Г. Жук и Т. Л. Павловой (кафедра педагогики), деловая игра «Педагогическая мечта», разработанная старшим преподавателем Н. И. Михайловой.

Эффективной формой подготовки будущего учителя к профессиональной деятельности является непрерывная педагогическая практика. Она представляет собой составную часть учебно-воспитательного процесса и ведущее звено в системе вооружения будущего учителя профессиональными умениями и навыками. Вместе с тем она является важной формой творческой деятельности, в которой проявляется познавательная активность каждого студента, сочетается связь теории с практикой, наиболее успешно осуществляется формирование личности будущего учителя. Педагогической практике предшествовала большая подготовительная работа всех кафедр. Ее успеху особенно содействовали преподаватели кафедры русского языка, общей физики, химии, биологии, ботаники, отечественной истории, английского языка. Была проведена большая работа по подбору школ города и области. В 80-е годы педагогическая практика проходила в школах Новосибирска № 9, 10, 12, 13, 22, 24, 42, 55, 159, 189, в Чернореченской школе Искитимского района, Толмачёвской школе № 60, Бердской школе № 1, в Куйбышевском политехникуме, ПТУ № 7 и 40. Здесь работали опытные учителя-методисты Л. А. Радаева, Т. И. Носова, В. И. Иноземцева, Э. К. Кокаева, С. Ф. Степанова и другие. В организации педпрактики творческую инициативу и заинтересованность проявляли деканы факультетов В. Ф. Глушков, В. А. Лозовик, Е. Б. Клевакина, М. П. Ененко, Б. П. Черник, В. И. Зеркалов, З. А. Леденёва, И. Н. Тимченко, заведующие кафедрами теоретической физики К. А. Рязанцев, экономической географии Г. М. Позднякова, зоологии Л. А. Конева, анатомии и физиологии Л. К. Великанова.

Практика осуществлялась в следующих типах базовых учреждений: средняя школа, школа-интернат, группа продленного дня средней школы, детский сад, клуб по месту жительства, станция юных техников при СО АН СССР, станция юных натуралистов СО ВАСХНИЛ. Распределение по базовым учреждениям закреплялось совместным приказом ГорОНО и пединститута, либо договором. Ход практики и ее результаты определялись многими факторами, среди которых первостепенное значение имел подбор состава руководителей практики. На педагогическую практику выводили студентов мастера-методисты, отдающие все свои силы и знания этому важнейшему делу профессиональной подготовки: В. А. Рыбакова, Н. И. Казьмина, С. В. Дьякович, В. В. Соловьёв, Т. П. Маковская, Ф. С. Кузнецова, К. Е. Зверева, З. П. Горьковская, А. С. Воронинская, Н. И. Загоренко, И. Г. Жук, Л. А. Ефимова.

На факультетах готовились и проводились установочные конференции, на которых перед студентами выступали методисты, руководители факультетов, кафедр и практики. Определялись темы для малых педагогических исследований, экспериментов. Часто весь поток студентов работал над одной проблемой. На ЕГФ по специальности «Биология – химия» такой проблемой стала активизация познавательной деятельности учащихся при обучении биологии в средней школе, по специальности «География – английский язык» – использование краеведческой литературы на уроках экономической географии. Четвертый курс ФМФ всем потоком работал над проблемой «Активизация познавательной деятельности на уроках математики и физики».

Практика в институте была многогранной. В летнее время студенты 2–3 курсов проходили ее в пионерских лагерях. Летняя практика предшествовала учебно-воспитательной и была подготовительным этапом к ней. Это единственный вид педагогической практики, когда дети круглосуточно находятся под наблюдением студента-практиканта. Он организует их быт, полезную деятельность и отдых. Это дает большие возможности для

подготовки к педагогическому труду. Студенты института проходили практику более чем в 50 пионерских лагерях Новосибирска и области. Существовали тесные связи института с Всесоюзным лагерем «Артек», всероссийскими «Орлёнком» и «Океаном». В них каждый год уезжали лучшие студенты исторического факультета. Конечно, эта практика была идеологизированной, как и вся воспитательная работа 80-х годов, но она формировала важные профессиональные навыки будущего учителя.

Завершала педагогическую практику в институте учебно-воспитательная практика на предвыпускных и выпускных курсах, в ходе которой студенты учились планировать свою работу, составлять конспекты уроков, овладевали методикой проведения различных типов уроков, организации самостоятельной работы, оценки учета знаний и умений учащихся. Итоги педпрактики ежегодно показывали, что студенты владеют материалом, имеют хорошую методическую подготовку. Лучшие студенты выходили на высокий творческий уровень преподавания, широко использовали опыт новаторов В. Ф. Шаталова, Ш. А. Амонашвили, М. П. Щетинина, Е. Н. Ильина, умели соотносить репродуктивный и продуктивный способы преподавания.

Этому способствовало то, что с 1987 года институт включился в разработку проблемы непрерывного обучения, создал на своей базе Научно-исследовательский институт прикладной дидактики, действующий сейчас в рамках Российской академии образования. Инициатором его создания и творческим руководителем стал проректор по науке А. Ж. Жафяров. Его след в организации научной работы института, во внедрении научных достижений в учебный процесс, в установлении научных контактов с творческими коллективами академий и ведущих вузов страны в истории института весьма значителен. По его рекомендациям, теоретически обоснованным планам ректорат принимал энергичные меры к повышению значимости научной работы преподавателей в подготовке учительских кадров, научной квалификации профессорско-преподавательского состава института.

Преподаватели вуза направлялись в целевую аспирантуру ведущих педагогических вузов страны – МГПИ, ЛГПИ. Шла подготовка кандидатов наук через собственную аспирантуру при кафедрах истории СССР, анатомии и физиологии человека и животных целевым назначением для института. Первый выпуск состоялся в 1982 году, когда окончили аспирантуру четыре человека – В. А. Зверев, З. П. Горьковская (при моем научном руководстве), Н. П. Антоненко, Г. Н. Жарова (научный руководитель – доктор биологических наук профессор Л. К. Великанова). Шла подготовка кандидатов наук и в аспирантурах других научных учреждений. Ежегодно туда направлялось 8–10 человек. Широко практиковалось прикрепление в качестве соискателей к ведущим вузам страны наших преподавателей, самостоятельно работающих над кандидатскими диссертациями. Этой формой обучения ежегодно охватывалось от 20 до 30 человек. Регулировалось также избрание по конкурсу на вакантные должности. Предпочтение отдавалось претендентам, имеющим кандидатские степени. Самой серьезной проблемой кадровой политики, стоящей перед ректоратом, являлась подготовка кадров высшей квалификации – докторов наук. Уже в 1982 году к защите были представлены две докторские диссертации (Д. Х. Рубинштейн, Ю. В. Фоменко). Во второй половине 80-х годов докторские диссертации защитили А. Ж. Жафьяров, О. Г. Боков, М. Н. Мельников, Т. Н. Троицкая, Р. И. Айзман, В. П. Парамзин, Ю. Н. Чумаков, Ж. Ф. Пивоварова. Основным каналом подготовки кадров высшей квалификации был перевод на положение старшего научного сотрудника. Со страхом и неуверенностью становились преподаватели по рекомендации ректората на этот путь. Особенно запомнились мне уговоры Ж. Ф. Пивоваровой и ее колебания, сомнения, разрешившиеся благополучной защитой докторской диссертации. Чтобы помочь подготовить докторские к успешной защите, ректорат проводил их широкое обсуждение учеными в самом институте. В этом отношении особенно показателен путь, который прошел первый преподаватель, переведенный на положение старшего научного сотрудника –

доцент кафедры общей физики Д. Х. Рубинштейн. Его докторская диссертация обсуждалась на объединенном заседании четырех кафедр, где выступили шесть рецензентов. Через перевод на положение старших научных сотрудников пришли к защите докторских диссертаций заведующая кафедрой ботаники доцент Ж. Ф. Пивоварова и доцент кафедры анатомии и физиологии человека и животных Р. И. Айзман.

Наметился сдвиг в подготовке и защите кандидатских диссертаций: в 1985 году защитилось 8 человек, в 1986-м – 9, в 1987-м – 10. Среди молодых кандидатов были те, кто в последующие годы составили остов учебно-педагогического и управленческого состава института (Ю. Ф. Субоч, Л. И. Боровиков, О. М. Белкина, Ю. Э. Овчинников, З. И. Лаврентьева, Г. Я. Нечипуренко, Н. И. Прокопьева, В. И. Баяндин, Е. Б. Петрова, Т. С. Троицкая, М. Н. Алексеева, А. А. Бондаренко, Ю. А. Шаньшин, Т. Я. Самойлова, Г. А. Казанская, С. Ф. Молодина, А. Ф. Осипчук и другие). Перспективный план подготовки дипломированных специалистов до 1995 года предусматривал, что для завершения докторских диссертаций в докторантуру нужно послать 14 преподавателей, 6 человек перевести на положение старших научных сотрудников и 12-и предоставить шестимесячные творческие отпуска.

Во второй половине 1980-х годов ректорат продолжил работу по уточнению комплексных тем и концентрации вокруг них научной работы преподавателей. К началу 1990-х утвердилось 14 комплексных тем. Их разработкой заняты были почти все преподаватели института. Пять из них были посвящены реформе школьного и перестройке вузовского образования: «Информатика и ЭВМ в учебном процессе школы и вуза» (руководители – кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой вычислительной математики и программирования А. А. Морозов и кандидат психологических наук, заведующий кафедрой педагогики начального обучения А. Я. Большунов); «Повышение качества трудового и профессионального образования» (руководитель – кандидат педагогических

наук, заведующий кафедрой психологии В. Г. Леонтьев); «Воспитание сознательной дисциплины учащихся» (руководитель – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики Т. Л. Павлова); «Воспитательные возможности игры в детском коллективе» (руководитель – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой теории и методики воспитательной работы Н. П. Анисеева); «Формирование надежности механизмов регуляции гомеостатических систем в онтогенезе» (руководители – доктор биологических наук, заведующий кафедрой анатомии и физиологии человека и животных Р. И. Айзман, доктор биологических наук профессор Л. К. Великанова).

Четыре темы, выполняемые на историческом и естественно-географическом факультетах, были включены в научно-исследовательскую региональную программу «Сибирь». О значимости этого факта свидетельствует то, что лишь два педвуза Минпроса РСФСР были включены в эту программу. Одним из них стал НГПИ.

Четыре темы: «Информатика и ЭВМ в учебном процессе школы и вуза», «Повышение качества трудового воспитания, трудового обучения и профессионального образования», «Воспитание сознательной дисциплины учащихся», «Формирование надежности механизмов регуляции гомеостатических систем в онтогенезе» были включены в план-заказ Минпроса РСФСР по научно-методическому обеспечению реформы школы. До начала 90-х годов, когда произошло внедрение в науку товарно-денежных механизмов, сохранялись и обновлялись творческие договоры НГПИ с СО АН, СО АМН, ВАСХНИЛ, Московским и Ленинградским педагогическими институтами.

Многие результаты научных исследований наших кафедр внедрялись в жизнь в масштабах республики. Методические рекомендации «Оценка готовности 6-летних детей к обучению», подготовленные преподавателями кафедры анатомии и физиологии человека и животных, были одобрены Минпросом и Минздравом РСФСР и рекомендованы к внедрению.

Искитимский район Новосибирской области и Заельцовский район Новосибирска стали полигонами внедрения. На основании решения двух министерств был издан совместный приказ НГПИ, ОблОНО, Облздрава о реализации этого внедрения.

Большие изменения произошли в работе редакционно-издательского отдела. Его возглавила Л. И. Поступинская – талантливая, высококвалифицированная, умеющая сплотить вокруг отдела людей, заинтересованных в повышении качества издаваемой научной продукции. О. А. Осинцева объединила всех аспирантов института. Подготовила для них программы кандидатских экзаменов, контролировала сроки сдачи этих экзаменов и защит кандидатских диссертаций. Институт имел собственную типографию и получил право публиковать материалы докторских диссертаций. Этим правом был наделен единственный институт среди вузов Минпроса РСФСР в Западно-Сибирской зоне. В 1987 году издательству НГПИ Министерством просвещения РСФСР было доверено планировать издательскую деятельность всех педвузов Западно-Сибирской зоны и издавать материалы докторских диссертаций из этих вузов.

Результаты научных исследований преподавателей и студентов публиковались издательством НГПИ, некоторые материалы выходили в центральных издательствах. Ежегодно публиковалось 8–10 тематических сборников, 4–6 учебных пособий, 100–150 научных статей в НГПИ, несколько монографий в других издательствах. Проблемам перестройки вузовского образования была посвящена работа, авторами которой стали Л. И. Головина, М. А. Сидоров, Т. А. Черемисина, И. И. Измайлов, А. С. Юмашев, И. В. Калдашева, И. А. Ревинский. Вопросам школьной реформы посвятили методические разработки преподаватели Л. А. Каменская, В. А. Парамзин, Т. Я. Самойлова, М. С. Коган, О. Н. Королёва, И. И. Колесниченко, Н. В. Силкина. Авторами интересных трудов выступили В. В. Алексеев, Г. Я. Ярахмедов, В. Я. Большунова, А. Я. Цукарь, И. А. Порошина – ведущие вузовские преподаватели и методисты. Большой интерес

посещающих ВДНХ СССР учителей вызвал наш пакет программ по контролю знаний с игровой интерпретацией правильности ответов, о чем свидетельствуют записи в книге отзывов выставки. Быстрая реализация и многочисленные запросы из других регионов страны на ряд монографий и учебных пособий («Птицы города Новосибирска» Н. А. Козлова, «Воспитание игрой» Н. П. Аникеевой, «Русский детский фольклор» М. Н. Мельникова, «Профнаправленность личности и ее формирование в школьные годы» В. П. Парамзина, «Организация и методика проведения факультативных занятий по химии» С. В. Дьяковича) свидетельствовали об их востребованности и значимости научной ориентации, выбранной авторами. Ряд сборников и научных пособий были удостоены высоких наград. Ю. Н. Чумаков за учебные пособия «Евгений Онегин» и «Русский стихотворный роман» получил диплом республиканской межведомственной выставки литературы, проходившей в Смоленске в 1985 году. В наградной грамоте особо был отмечен творческий вклад автора в совершенствование выпуска ведомственной литературы. Авторы сборника «Лексико-семантические группы современного русского языка» (ответственный редактор Ю. В. Фоменко) были награждены бронзовой медалью ВДНХ.

Одним из основных условий повышения качества подготовки выпускников ректорат НГПИ определял воспитание их в атмосфере творчества, предполагающей широкое привлечение к хорошо организованной и методически продуманной научно-исследовательской работе (НИРС). Поэтому важными составными частями учебного процесса даже в сложных 80-х годах были научное творчество, конструкторские и технологические работы, внедрение элементов исследования в разные виды деятельности. В основу решения задач развития исследовательских навыков и творческой активности студентов был положен системный подход к организации учебно-исследовательской работы (УИРС) с последующим переходом в НИРС. Составлялись комплексные планы организации НИРС по всем специальностям на весь период обучения. В 1981 году всеми формами НИРС

было охвачено 70 % студентов, в 1982-м – 73, а в 1986 году – уже 90 % от общего числа студентов дневного отделения. Конечно, эти цифры относительны. Но такая форма учета существовала во всех вузах страны, она выводила НГПИ в число лидеров среди педагогических институтов Российской Федерации. Студенты участвовали в различных формах НИРС: в учебных и научных курсах, которых в институте было более 100, в 66 проблемных группах, трех проблемных лабораториях, четырех студенческих конструкторских бюро, пяти студенческих научно-производственных обществах, шести хоздоговорных темах.

На итоговые научно-практические конференции ежегодно представлялось от 800 до 1200 докладов. Больше, чем в других вузах Новосибирска. Ни в одном из вузов Новосибирска не проводились научные конференции студентов-заочников, а наш вуз стал их проводить ежегодно с 1981 года. Важное место в повышении творческой активности студентов занимали олимпиады и конкурсы по предметам: институтские, региональные, республиканские, всесоюзные. С 1981 года в НГУ стала проводиться олимпиада «Студент и научно-технический прогресс». В 1982 году в проведении второго тура этой олимпиады участвовали 18 кафедр, 907 студентов нашего института. Команда физиков заняла второе место среди 16 вузов города, команды математиков, химиков – третье место, по иностранным языкам мы имели первое, второе, третье места. Всего в 52 олимпиадах в 1982 году участвовало 2774 студента НГПИ. Студент А. Сидоркин (ИФ) занял третье место на республиканской олимпиаде по педагогике, на всесоюзной олимпиаде по иностранным языкам наши студенты заняли пятое место. Работа студентки В. Трегубовой была удостоена медали на Всесоюзном конкурсе по психологии. Ее руководитель доцент Н. П. Аникеева была награждена дипломом Министерства высшего и среднего специального образования и медалью за активное руководство научно-исследовательской работой студентов. Студенты нашего института стали печатать свои работы в сборниках научных трудов кафедр. Наиболее активными в подготовке

студенческих работ были кафедры русской литературы, отечественной истории, анатомии и физиологии человека и животных. Студенты А. Бородавский, А. Адамов, опубликовавшие свои первые научные работы в сборнике «Археологические открытия», проложили себе путь в большую науку.

В 1985 году в институте было создано студенческое конструкторское бюро. Его филиалы были открыты на ЕГФ, МФ, ФФ, ИПФ. Новой формой научно-исследовательской работы стали научно-производственные отряды. В духе идеологизированного времени первый отряд, объединявший студентов всех факультетов, назывался «Мужество, героизм и воля (МГиВ)», а на факультете иностранных языков работал столь же идеологизированный отряд «Клуб интернациональной дружбы». Студенты-историки создали археологический отряд, а филологи – фольклорный. В них объединялись студенты и школьники, увлеченные научной работой в области древней истории и народного творчества. Объектами исследования археологов стали 2000 археологических и исторических памятников в 30 районах Новосибирской области. Школьники вместе со студентами участвовали в раскопках в селах Быстровка, Крахаль, Чёрный Мыс, Абрамово. Была проведена их паспортизации, составлены каталоги и паспорта области с нанесением данных об археологических и исторических памятниках. Эта работа выполнялась под руководством доктора исторических наук профессора Т. Н. Троицкой и ее ученика – доктора исторических наук В. И. Молодина, впоследствии ставшего всемирно известным археологом, академиком РАН, лауреатом Государственной премии. Медико-биологический отряд ЕГФ занимался изучением влияния промышленного производства и загрязнения им окружающей среды на состояние здоровья детского и взрослого населения под руководством профессора Л. К. Великановой. Тема была включена в планы АН СССР и АМН СССР. Доцентом филологического факультета М. Н. Мельниковым с участием

студентов была издана серия сборников научных трудов «Сибирский фольклор».

Студенты нашего института – будущие учителя, поэтому ректоратом придавалось большое значение связям НИРС со школой. Наши студенты в 80-е годы осуществляли руководство 54 школьными предметными научными кружками, руководили научно-техническим творчеством учащихся в 139 школах. Создавали и передавали школам наглядные пособия, проводили тематические вечера, олимпиады, включали учащихся старших классов в археологические, фольклорные, географические экспедиции.

В 1980-е годы придавалось большое значение воспитанию трудом. На это ориентировали директивы центральных и местных партийных органов, всесоюзного и российского министерств просвещения. Создавался особый трудовой семестр: летом работали студенческие отряды, силы которых использовались в основном на ремонтных и строительных работах в родном институте и на различных объектах страны. Так, в 1983 году было создано 10 линейных отрядов общей численностью 541 человек. Студенты работали на стройках области и Новосибирска, в Волгоградской и Магаданской областях, на острове Шикотан и Камчатке, в Благовещенске, на железных дорогах в отряде «Проводник». Более 1600 студентов летом трудились в пионерских лагерях. Талантливые студенты круглогодично курировали Малую педагогическую академию школьников.

В деятельности высшей школы в 1980-е – начале 1990-х годов видное место занимали факультеты общественных профессий (ФОП). Особо значимы они были для студентов педагогических вузов. Через них выпускники получали вторую профессию – «Организатор воспитательной (культурно-массовой, спортивной, туристско-экскурсионной) работы среди школьников и молодежи». На факультете общественных профессий в НГПИ действовали следующие отделения: Клуб ребячьих комиссаров «Беспокойные сердца», Туристический клуб «Ювента», «Клуб интернациональной дружбы», отделения истории живописи, экскурсоводов, фотолюбителей,

экологическое, литературного редактирования, культуры речи, театроведения, фольклорное, информатики и вычислительной техники, оформительское, хореографическое, спортивное, хоровое. Занятия на ФОПе проводились по планам и программам, составленным на основе программы Министерства высшего и среднего образования СССР, Министерства культуры СССР, Министерства просвещения, Комитета по физической культуре и спорту, Центрального совета по туризму и экскурсиям. Отделения ФОПа были созданы на всех факультетах. Их руководителями были как преподаватели института, так и специалисты, приглашенные из разных организаций города.

Одним из самых популярных отделений был Клуб ребячьих комиссаров (КРК) «Беспокойные сердца». Идея его возникновения родилась на историческом факультете, а его бессменным руководителем стала старший преподаватель М. С. Коган – талантливый организатор, ищущий новые формы организации воспитательной работы, откликающийся на запросы времени. А время было такое: все беспощаднее критиковался существующий строй, возвращались к истории битв за «чистые» ленинские идеи. В этих условиях воскрешен был термин «комиссары», применительно к потребностям нового очистительного времени, приоткрывавшего путь молодым в органы власти. Этот клуб с его отработанными ритуалами, красивой атрибутикой привлекал и студентов, и школьников. КРК целенаправленно готовил студентов к работе в лагерях, детских коллективах школ, клубах по месту жительства. Здесь формировался костяк отрядов для «Артека», «Орлёнка», «Планеты» (Феодосия), базовых местных лагерей института – им. В. Котика, «Чкаловца». Вместе с расширением деятельности КРК появились новые формы его работы: педагогические десанты в районные центры Новосибирской области, разнообразные практикумы и педмастерские, педагогические олимпиады, праздники для детей сотрудников института, инструктивные лагеря для вожатых, лагерь первокурсников исторического факультета «Листпед». Время «перестройки»

стерло название клуба, но сохранились традиции «Беспокойных сердец» в работе нового психолого-педагогического объединения «Бумеранг». Здесь наиболее плодотворно была организована работа секции дизайна, где ребят учили оформлению и изданию самостоятельных газет и журналов, помогали разрабатывать сценарии, костюмы и украшения к детским праздникам.

Большой популярностью среди студентов пользовалось туристическое отделение. Оно готовило инструкторов школьного туризма. Руководил отделением ассистент кафедры физического воспитания, инструктор горного туризма В. А. Гусаков. Вдохновителем и организатором походов выходного дня стала старший преподаватель кафедры физвоспитания НГПИ И. Д. Добарина. Отделение посещало более 50 студентов, 12–15 из которых ежегодно получали удостоверения «Инструктор школьного туризма». Дружный коллектив туристов в 1987 году занял первое место в соревнованиях Октябрьского района, принимал участие в областных соревнованиях по пешеходному туризму.

Литературному редактированию студенты учились в литературном объединении, которым руководил заведующий кафедрой русской литературы Ю. В. Шатин. Отделение истории живописи курировал ассистент кафедры советской и зарубежной литературы С. Н. Мишин, готовило оно лекторов по истории живописи. На занятиях студенты знакомились с языком живописи, графики, скульптуры, и проводились они не только в аудиториях института, но и в залах Городской картинной галереи. Редактор отдела культуры речи в журнале «Новосибирский агитатор», доцент кафедры русского языка Е. В. Скворецкая руководила отделением «Культура речи». На занятиях студенты изучали литературу по культуре речи и ораторскому искусству, готовили тексты лекций и выступали с этими материалами перед студентами, в школах города и области. Молодое фольклорное отделение (ему в начале 80-х годов было только два года) знакомило с обрядовым фольклором, с навыками народной хореографии. Руководила отделением ассистент кафедры педагогики начального обучения Е. Б. Тюрикова. Изучались и

пропагандировались русские и украинские песенные национальные традиции сел Новосибирской области. На базе отделения был создан фольклорный ансамбль, выступавший с концертами в Новосибирске и области. В течение 1987 года ансамбль дал 27 концертов. Экскурсоводов по Новосибирску и Академгородку СО АН готовило отделение экскурсоводов, которым руководила работница бюро путешествий и экскурсий Г. З. Ахмерова. В программе отделения – методика организации и проведения экскурсий со школьниками и гостями города. Осваивались маршруты по архитектурным достопримечательностям, культурным центрам города, промышленным предприятиям. Высоким спросом пользовалось отделение фотолюбителей, подготовившее руководителей школьных фотокружков. Его вел фотолаборант института В. М. Караваев, в совершенстве владеющий теорией и практикой фотопроцесса. Слушатели этого отделения оформляли стенды, помещали свои фотокорреспонденции в газету «Народный учитель», участвовали в фотовыставках города.

Старшие инженеры вычислительной лаборатории НГПИ Е. М. Минияров и Ю. Е. Самарин создали отделение информатики и вычислительной техники. Это развивающееся направление особенно притягивало студентов ФМФ и инъяза. В нем студенты приобретали умения и навыки программирования на языке Бэйсик, методики использования ЭВМ в школе. Доцент А. А. Голенопольская сумела объединить поклонников всех муз в отделении любителей искусства. Здесь студенты приобретали умения и навыки, необходимые для руководителей самодеятельных театральных коллективов, посещали спектакли с последующим обсуждением, изучали методологию и историю сценографии. Его участники сами пробовали сочинять литературно-драматические композиции, проводили интересные поэтические и музыкальные вечера. Слушатели киноведческого отделения (руководитель – Л. А. Ситников) не только изучали историю мирового кино, но и выступали инициаторами и организаторами незабываемых встреч с его создателями.

Гостями института были в разное время режиссеры и актеры С. Герасимов, Р. Быков, Т. Абуладзе, А. Кайдановский, Н. Михалков, В. Золотухин.

Отделение «Мужество, героизм и воля» (руководители – старший преподаватель кафедры теории и методики воспитательной работы С. Н. Демахин, Н. В. Бордюг, А. М. Некрасов) занималось военно-патриотическим воспитанием трудных подростков. Студенты работали непосредственно с детьми, помогали им и сами осваивали одну из боевых специальностей: санинструктора, танкиста, пулеметчика, артиллериста, интенданта. Наиболее крупными мероприятиями МГиВ в 1987 году стали дни космонавтики, армии и флота, День Победы. Были проведены итоговые учения «Весенний гром – 87». У отделения были налажены контакты с Новосибирским высшим военно-командным училищем. Члены отделения дружили с курсантами, вместе с ними проводили учения, знакомились с боевой техникой Советской армии. Силами МГиВ было создано среднее учебное заведение – Сибирский кадетский корпус, генеральным директором которого стал выпускник исторического факультета А. М. Бахвалов.

Как и всякий творческий организм, возникший из потребностей времени, созданный трудом и творческим потенциалом людей, ощущающих необходимость рождения этого организма, НГПИ имеет уже свою историю. Она запечатлена в архивных документах, актуализируется праздниками в каждое десятилетие. Первое свое десятилетие институт отмечал в 1945 году. Это было время Победы, благоприятное для празднования, но сам институт только устраивался после возвращения из Колпашева, он не имел еще той силы в общегородском и областном масштабе, чтобы придавать своему юбилею большое значение. Поэтому праздник прошел скромно, келейно. Не получили широкого резонанса и последующие юбилеи. Институт был разбросан по многим точкам города, коллектив его разобщен. Да и направления государственной политики в отношении школ и педвузов неоднократно менялись. К середине 1980-х годов высшие педагогические учреждения стали укрупняться, увеличивать прием. Среди них в Российской

Федерации выделялся НГПИ. Он компактно расположился на Ключ-Камышенском плато, занял лидирующее место среди 16 вузов Новосибирска и педагогических вузов России, освоил новые, передовые технологии подготовки педагогических кадров. К своему 50-летию институт шел уверенно и целеустремленно.

В предшествующий юбилею год в подготовку праздника были включены все подразделения. Учебно-методический отдел добился ежегодного увеличения набора, возрастания в нем доли внеконкурсников, повышения качества подготовки учителей, их распределения и закрепления в сельских местностях. Всю эту работу четко осуществлял проректор по учебной работе П. В. Лепин, а его помощником была Н. И. Якименко – бессменный заведующий учебным отделом. Проректор по научной работе А. Ж. Жафяров поднял удельный вес дипломированных работников в составе преподавательского коллектива до 42 %, увеличил поступление в целевые аспирантуры и расширил аспирантуры института, увеличил число защищавшихся кандидатских и докторских диссертаций. Отдел заочного обучения (проректор В. А. Угодников) стал комплектоваться главным образом за счет учителей Новосибирской области, не имеющих высшего образования. Административно-хозяйственная часть (проректор А. Г. Джоджуа) провела благоустройство новых корпусов, создала нормальные условия для работы всех факультетов, ввела в строй институтскую ЭВМ, укомплектовала лингафонный кабинет.

Ежегодно в марте проводились ставшие уже традиционными научно-практические конференции преподавателей и студентов. В юбилейном 1985 году работало 37 секций, в которых приняло участие более 400 человек. Конференция привлекала внимание преподавателей и студентов не только Новосибирска. В ее работе участвовало 90 представителей других вузов России. В юбилейном году защитили докторские диссертации Ю. В. Фоменко и Р. И. Айзман. Пополнялись ряды кандидатов наук, и был сделан задел на будущее. В 1985 году защищено было 15 кандидатских диссертаций,

в аспирантуру поступили 19 преподавателей. Институтские преподаватели регулярно повышали свою квалификацию. В юбилейном году 86 из них выезжали на учебу в Москву, Ленинград и другие научные центры. Расширилось научное сотрудничество вузовских кафедр с институтами АН СССР, другими научными учреждениями и вузами России. Это сотрудничество закреплялось договорами. Из 40 кафедр института 25 имели такие договоры.

В 1985 году Институт истории, филологии и философии СО АН СССР проводил Всесоюзную научную конференцию «Сибирь в Великой Отечественной войне». В ее работе приняли участие многие преподаватели и сотрудники НГПИ – с кафедр истории СССР и всеобщей истории, экономической и физической географии, иностранных языков. В НГПИ работало к этому времени 90 студенческих кружков и 70 проблемных групп. Разными формами НИРС было охвачено 4125 студентов, или 91 % от общего числа обучающихся в институте. В кружках занималось более 1675 человек, в проблемных группах – около 900, в проблемных лабораториях – 460 студентов, 1244 человека работало над научными темами под руководством преподавателей по индивидуальным планам, 108 человек участвовало в разработке хозяйственно-договорных тем.

Дипломные сочинения еще не были обязательными при выпускной аттестации, но институт широко использовал эту форму работы. В 1985 году было защищено 153 работы, из них 31 – на заочном отделении. По педагогике и методике защищалось 45 студентов. Больше всего работ было защищено на ЕГФ (31), ФРЯиЛ (22), худграфе (32), ИФ (19).

На 12 отделениях Малой педагогической академии в юбилейном году обучалось 180 слушателей. Перед весенними каникулами школьников в институте прошел трехдневный семинар – участвовало 900 десятиклассников сельских школ области, изъявивших желание поступить в НГПИ. Коллектив института, как и в предшествующие годы, занял первое место из 16 вузов Новосибирска в смотре художественной самодеятельности. Отдельные

студенческие строительные, педагогические и сельскохозяйственные отряды были признаны победителями и награждены вымпелами и грамотами. Одна из студенток ФМФ была награждена Президиумом Верховного Совета СССР медалью «За доблестный труд». В юбилейном году студентами было прочитано более 5 тыс. лекций. Выезжали в районы области – Новосибирский, Искитимский, Тогучинский, Татарский, Краснозерский, Усть-Таркский, Чановский, Баганский, Здвинский. Всего в поездках действовало 16 агитбригад. Выступали в школах, на промышленных предприятиях, в военных частях. Программа дискотеки «Азбука» заняла первое место среди дискотек области.

К юбилейному году учебно-методический совет института (начал работать с 1975 года) приобрел строгую структуру. Руководителем УМС был проректор по науке А. Ж. Жафьяров. Совет имел следующие секции: педагогики и методики вузовского обучения, работы со студентами, использования ЭВМ и программного обучения в учебном процессе, использования технических средств обучения, планирования, учета и контроля, методический кабинет. Ниже в его структуре шли учебно-методические комиссии факультетов, кафедральные методические семинары. Особо выделялись комиссии по работе со студентами первого курса. Вся деятельность УМС была направлена на совершенствование подготовки специалистов высшей квалификации.

В основу работы УМС был положен принцип: работа всех подразделений института, преподавание всех дисциплин учебного плана, всех спецкурсов, спецсеминаров, факультативов, проведение разнообразных практик должны служить одной цели – разносторонней, многоплановой подготовке учителя, т. е. должны составлять систему. Системообразующим фактором этого процесса являлась профессиограмма (квалификационная характеристика), определяющая параметры и уровни подготовки учителя всех специальностей, готовящихся в НГПИ. УМС совместно с факультетами разработал профессиограммы учителей по всем специальностям и начал их реализацию на факультетах. В юбилейном году были получены первые результаты

анализа реализации профессиограмм на всех факультетах. Хорошие результаты показали учебно-методические комиссии ФМФ (руководитель – В. А. Парфёнов), ФРЯиЛ (Ю. В. Фоменко), ФИЯ (Т. П. Маковская), ФНК (руководитель – С. Е. Царёва). На этих факультетах систематически обсуждались специфические методические проблемы факультетов, проделали большую работу по созданию учебно-методических комплексов по дисциплинам. По наиболее важным курсам в юбилейном году было издано 36 учебно-методических рекомендаций. УМС превратился в организационный центр всей методической работы в институте.

По итогам 1984/85 учебного года Новосибирский пединститут занял первое место среди педвузов страны. Он был награжден переходящим красным знаменем ЦК КПСС и Совета Министров СССР и орденом Трудового Красного Знамени.

25 ноября 1985 года по этому поводу в зале Новосибирского театра оперы и балета состоялось общее собрание коллектива института, общественности города и области. Уже сам факт предоставления такого зала институту свидетельствовал о его возросшем авторитете среди руководителей партийных и советских организаций и общественности города. Торжественно параден был большой зал театра, заполненный выпускниками всех поколений и гостями. Празднично одетые, с орденами и медалями на груди, на лицах – улыбки, отражающие радость от встречи...

Президиум торжественен. В него приглашены заслуженные учителя города и области, представители ректората, факультетов и кафедр, молодежных организаций вуза. Пришло и высокое начальство города и области: первый секретарь Новосибирского обкома КПСС А. П. Филатов, секретарь горкома партии И. Ф. Цыплаков, председатель горисполкома И. П. Севастьянов, секретарь по идеологии Октябрьского райкома В. Н. Деменкова. Пришли поздравить институт с правительственной наградой представители фабрик и заводов, с которыми институт поддерживал контакты. В президиум

приглашены директора завода им. Ленина, завода «Труд», «Сибсельмаша» и другие.

Мне, как руководителю вуза, положено было держать приветственное слово и рассказать о том, что сделано институтом. И когда я встала за трибуну и взглядом окинула переполненный зал, мысленно представив себе, сколько творческих сил и таланта отдавали преподаватели вуза этим людям, пришедшим на праздник и уже сейчас отдающим свое педагогическое мастерство юному поколению, на глаза навернулись слезы. Я долго не могла говорить. В памяти промелькнули Колпашево, суровые годы войны, бедность и скудность послевоенных лет, через которые пришлось пройти преподавателям вуза и тем, кого они учили быть настоящими людьми. Радость педагогического творчества, душевная щедрость были характерны для всех, сидящих в зале. Об этом говорили скупые цифры доклада.

Первый выпуск специалистов из стен пединститута, состоявшийся перед началом Великой Отечественной войны, составлял 43 человека, а в 1985 году институт выпустил 736 учителей, большинство из которых получили распределение в школы Новосибирской области. За годы существования институт подготовил 30 тыс. учителей. К юбилейному году 414 бывших выпускников пединститута были награждены орденами и медалями СССР, около полутора тысяч являлись отличниками народного образования РСФСР, 124 человека – заслуженными учителями. В юбилейном году на девяти факультетах НГПИ обучалось более 7,5 тыс. студентов. Институт постоянно рос. Только за два последние года открылись два новых факультета – индустриально-педагогический и педагогики дошкольного воспитания.

Много приветственных адресов и телеграмм получил институт от своих бывших питомцев, других вузов, министерств просвещения СССР и РСФСР, заводов и фабрик Новосибирска. Орден Трудового Красного Знамени вручал начальник ГУВУЗа РСФСР Д. М. Забродин. Весь зал поднялся в приветствии, аплодисментам не было конца. Взволнованные, возбужденные выпускники в перерыве находили своих друзей, знакомых, и уже к началу

художественной части зал принял другой вид. Рассаживались группами по выпускам, по районам работы, по творческим контактам.

Был дан великолепный концерт художественной самодеятельности преподавателей и студентов. Его подготовила выпускница ФМФ Надя Шило (в настоящее время – доктор физико-математических наук, заведующая кафедрой). Режиссером нашего творчества согласился быть главный дирижер Новосибирского театра оперы и балета народный артист СССР В. В. Багратуни. Это придало нашей композиции и торжественность, и особое изящество. Началась она с исполнения студенческого гимна «Гаудеамус». Его торжественно исполнил общеинститутский хор. Прекрасно выглядели фольклорный и танцевальный ансамбли и оркестр народных инструментов. Костюмы всех исполнителей были продуманы, отвечали жанру и в то же время нарядно-парадные. Все костюмы на свои средства заказал и приобрел институт.

Прошли праздничные дни. Институт погрузился в свою обычную трудовую жизнь, а она проходила в сложных внутривнутриполитических условиях. 10 марта 1985 года генеральным секретарем был избран М. С. Горбачёв. Он сообщил о планах широких реформ, направленных на всестороннее обновление общества. Их краеугольным камнем должно было стать «ускорение социально-экономического развития страны». В феврале 1986 года XXVII съезд КПСС взял курс на «совершенствование социализма». В 1987 году Горбачёв провозгласил политику гласности. Средствам массовой информации было разрешено начать широкую кампанию критики существующего общества и его истории под лозунгом «возвращения к ленинским нормам». Произошел буквально взрыв интереса к прошлому страны, что проявилось, в частности, и в отрицании опыта достижений народа за весь период существования советской власти. У значительной части общества родилось ощущение тупика, в котором оказалась страна. В январе 1987 года на очередном пленуме ЦК Горбачёв вместо «ускорения» выдвинул задачу коренной перестройки общественного строя. Все чаще

наряду с «перестройкой» стали употреблять слово «демократия». Появились призывы избавиться от деформаций социализма и вернуться к ленинским нормам. Предполагалось, демократическим путем трудящиеся будут осуществлять непосредственное управление всеми сферами жизни страны. Стали развиваться идеи демократического социализма, многообразия его моделей, приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми. Вместо прежней идеи «ускорения и совершенствования социализма» стала оформляться мысль о необходимости и даже необратимости радикальных рыночных реформ. Появились неформальные движения и группы. Возникли политические и дискуссионные объединения. По стране прокатилась волна массовых митингов.

Неспокойно было и в институте. Студенчество бурлило, преподаватели волновались. Каждая лекция превращалась в дискуссию. Нужно было отвечать на нелिцеприятные вопросы, поставленные временем. В поточной аудитории, где проходили чаще обычного собрания коллектива и Ученые советы, не было свободных мест. Все вопросы обсуждались эмоционально, с надрывом. Возникла масса предложений о перестройке методов подготовки педагогических кадров, многие из которых были поистине фантастическими. Комсомольские собрания превратились в дискуссионные клубы. С юношеским максимализмом критиковались устои жизни института. Министерство просвещения РСФСР почти самоустранилось от управления вузами. Непригодными признавались учебные планы и программы. Методический совет разрабатывал новые рекомендации. На каждом факультете возникли инициативные группы по разработке новых учебных планов и программ.

В мае 1987 года Министерством просвещения СССР на базе Тбилисского государственного пединститута была проведена Всесоюзная научно-практическая конференция «70-летие Великого Октября и задачи преподавания истории в высшей педагогической школе». Это была последняя конференция кануна распада СССР, где ученые разных

национальностей еще славили Октябрь и единение всех республик в одном государстве. Официальная пресса уже была наводнена статьями с националистическим душком, порочащими роль русского народа в образовании СССР.

Как ректор НГПИ я была приглашена в оргкомитет по подготовке и проведению этой конференции, вела одну из ее секций. Председателем оргкомитета был начальник Управления учебных заведений Министерства просвещения СССР В. К. Розов. Проблемы для дискуссий были поставлены известными учеными А. Л. Нарочницким (академик АН СССР и АПН СССР), Д. Г. Стурау (директор Института истории партии при ЦК Компартии Грузии), В. К. Фураевым (заведующий кафедрой всеобщей истории ЛГПИ), О. В. Волобуевым (заведующий кафедрой методики преподавания истории, обществоведения и права МОПИ). Это были ученые, впервые заговорившие о влиянии внешних сил на развитие октябрьских событий 1917 г. в России. Основная дискуссия развернулась на секциях. Секция, которой я руководила, была интернациональной (грузины, армяне, узбеки, таджики, украинцы – и очень мало русских). Впервые я почувствовала, как болезнен национальный вопрос. Особенно бурно реагировали грузины, осуждая династический брак между древнерусским князем Юрием и царицей Тамарой.

До развала СССР оставалось несколько лет. Отношения между участниками конференции были доброжелательными, а хозяева – предупредительно-внимательными. Участникам конференции были показаны все достопримечательности Тбилиси, организована экскурсия в город Гори и Абхазию. Там меня поразили огромные мертвые площади вырубленных виноградников. Шла борьба за трезвость, навязанная Лигачёвым. Не пощадили, разрушили веками создаваемое производство грузинских вин, уничтожив тем самым одно из национальных производств. Несмотря на тяжелый осадок от увиденного, общая атмосфера была приподнятой. Все радовались общению. Никто не мог себе представить, что скоро мы будем

жить в разных государствах, что порвутся дружеские контакты, что наши студенты будут писать уже другую историю.

В 1988 году я ушла с должности ректора и перешла работать на кафедру отечественной истории в должности профессора, а затем была избрана заведующей кафедрой. Ректором института был избран П. В. Лепин. Впервые в институте были проведены демократические выборы ректора, и коллектив высказал свое мнение, единодушно поддержав кандидатуру Петра Вольдемаровича.

Пётр Вольдемарович сохранил прежнюю уже сложившуюся команду ректората: проректор по научной работе А. Ж. Жафяров, проректор по учебной работе, возвратившийся на эту должность, В. М. Кравцов, проректор по ОЗО В. А. Угодников, проректор по административно-хозяйственной части В. В. Герасимов. Это был костяк управленческого состава. Люди проверенные, честные, преданные делу. На своих местах остались деканы и заведующие кафедрами. Воскрешая в памяти страницы истории тех дней, когда вуз принимал П. В. Лепин, невольно встречаешь имена людей, которые выстояли в сложные годы ломки и составили основу коллектива 1990-х годов и начала третьего тысячелетия. Это Р. И. Айзман, В. В. Алексеев, Н. П. Аникеева, О. Г. Боков, Л. К. Великанова, С. В. Дьякович, В. А. Зверев, А. М. Иванов, А. М. Ким, В. Г. Леонтьев, Н. Е. Меднис, М. Н. Мельников, В. П. Парамзин, Ж. Ф. Пивоварова, А. Г. Поползин, И. А. Ревинский, В. Л. Селиванов, В. Я. Синенко, Т. Н. Троицкая, В. П. Тыщенко, Ю. В. Фоменко, Ю. Н. Чумаков, Ю. В. Шатин, А. В. Эдаков, Г. Я. Ярахмедов и другие.

Партком постепенно сворачивал свои полномочия, и настало время, когда этот орган прекратил свое существование. Ликвидированы были кафедры общественных наук. Страна постепенно вползала в рыночную экономику. В вузе тоже стали действовать рыночные механизмы. На долю нового ректорского корпуса выпали самые трудные годы развала великого государства. Институт вошел в архисложное время 90-х годов – всё крушилось и ломалось. Отброшена была как ненужный хлам марксистская

идеология. Страна вошла в полосу кризиса науки и образовательной системы. Нищенское финансирование, ограничение педагогического образования. Ректорат определил тогда свое место в новой жизни путем проб и ошибок. Сохранили лучшее из созданного в предшествующие годы. При широкой демократии укрепили рабочую дисциплину, сохранили воспитательное воздействие педагогической науки на обучающихся. Пережив трудные годы, летом 1993 года НГПИ одним из первых в Сибири получил право именоваться педагогическим университетом. Ректорат и управляемый им профессорско-преподавательский коллектив достойно выдержали все катаклизмы 1990-х годов и привели вуз в третье тысячелетие окрепшим, достойно представляющим педагогическое образование не только в России, но и на международной арене.

Пришел новый ректор – А. Д. Герасёв, молодой, из талантливых аспирантов ЕГФ, прошедший научную школу Л. К. Великановой, Р. И. Айзмана, П. В. Лепина. Думается, что пройденные им суровые годы становления конца XX столетия закалили его и вооружили новыми методами руководства вузом в рыночной экономике. Хоть и ушел с поста проректора по научной части А. Ж. Жафяров, но он болеет за свое детище – науку – и в нужный момент окажет поддержку новому проректору.

Талантливая, обаятельная проректор по учебной работе Л. А. Барахтенова, судя по ее начинаниям, выведет учебный процесс вуза на всеобщую компьютеризацию и освоение преподавателями и студентами умнейших машин третьего тысячелетия. А самое главное – выросли новые руководители, формирование которых уходит корнями во вторую половину 80-х – 90-е годы, избранные на демократических началах директорами новых институтов и деканами факультетов под эгидой НГПУ. Это Олег Николаевич Катионов (ИИГСО), Алфат Исламович Хасанов (ИФМиЭО), Александр Евгеньевич Просенко (ИЕСЭН), Виталий Сергеевич Елагин (ИИ), Елена Юрьевна Булыгина (ИФМИП), Елена Алексеевна Костина (ФИЯ), Илья Степанович Вотчин (ПФ), Валерий Васильевич Крашенинников (ФТиП),

Сергей Павлович Турыгин (ФФК) и другие. Хорошим знаменем является то, что учреждена должность президента как арбитра и управляющего сложным административным аппаратом университета, и первым президентом избран П. В. Лепин, который занимал должность ректора более 20 лет, досконально изучил мудрую науку управления многочисленным коллективом нашего вуза.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Из чего возникают мемуары: вместо предисловия (*О. Н. Катюонов*)

Истоки

В суровое лихолетье

Ступени

В большой мир

Научно-популярное издание

Соловьёва Екатерина Ивановна

ЧЁРНЫЕ И КРАСНЫЕ – ШТРИХИ СУДЬБЫ

Мои воспоминания